

18+

Юрий Жук

Всё
напроказу

Юрий Жук

**Все на продажу.
Театральные хроники**

«Издательские решения»

Жук Ю.

Все на продажу. Театральные хроники / Ю. Жук —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746354-0

Сборник рассказов, написанных в разные годы. Для читателей всех возрастов, независимо от их политической ориентации в том числе. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746354-0

© Жук Ю.
© Издательские решения

Содержание

Как у бабушки козялок...	6
1	6
2	12
3	18
4	20
Все на продажу	24
1	24
2	29
3	33
Монолог театральной вахтерши	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Все на продажу Театральные хроники

Юрий Жук

© Юрий Жук, 2020

ISBN 978-5-4474-6354-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как у бабушки козялок...

Рассказ

Светлой памяти В. Я. Вульфа.

1

Сегодня был тяжелый день. И тяжелый спектакль. Впрочем, для Степана Михайловича Кавалерова теперь все спектакли были тяжелыми. Сказывался возраст. Правда, Степан Михайлович запрещал себе даже думать на эту тему, потому как совсем выпасть из репертуара, позволить не мог. Благо, настали времена, когда он мог позволить себе другое: выбирать, что играть, а что и не играть.

Кавалеров опустил свое грузное тело в кресло, подвинул кресло ближе к столику и глянул в зеркало. Оттуда на него смотрела странная личность, с обвисшими щеками, морщинистым лбом и тусклыми, глазами, чем-то, отдаленно, напоминая, его самого. Степан Михайлович вздохнул и укоризненно глянул прямо в глаза этой личности. Хотел в нее даже плюнуть, нажевал слюны, но вместо этого только показал язык, двумя руками оттопырив уши. Цвет языка ему не понравился. Степан Михайлович, наклонился к зеркалу, внимательно, и так, и эдак, рассмотрел его со всех сторон. И огорчился. Еще раз тяжело вздохнул. Произнес тихонько:

– Побереги себя, Степа. – Хотел вздохнуть в третий раз, но, в последний момент, передумал. – Побереги. – Повторил и замолчал, продолжая изучать язык. – А может, совсем бросить пить? – мелькнула в его голове робкая мыслишка.

Он, аккуратно, снял с головы растрепанный парик, положил на подставку, двумя руками провел по бескрайней лысине, обрамленной венчиком когда-то густой шевелюры. Откинулся в кресле и повторил снова, теперь уже твердо и с неким металлом в голосе:

– Да. Надо бросать.

И неожиданно, быстро наклонился вперед, легко протянул руку за зеркало, достал оттуда початую бутылку коньяка, пятизвездочную «ЛЕЗГИНКУ», он мог себе теперь позволить и коньячок, не «КАМЮ», конечно, но все-таки. Плеснул изрядную толику в стакан, появившийся оттуда же, из-за зеркала, и, не спеша, почти не ощущая вкуса, глоток за глотком, сквозь зубы, выцедил до дна. И вновь откинулся в кресле, прикрыл глаза ладошкой, упершись локтем в подлокотник. Ну, прямо вождь пролетариата, слушающий третью патетическую Людвиг Вана.

К слову. На стене, как раз, над зеркалом, висела фотография Степана Михайловича, и что характерно, в гриме этого самого вождя. И, как ни странно, примерно в той же позе, с ручкой у лба.

Нет, воплотить на сцене этот бессмертный образ, Кавалерову не удалось. Не успел. В стране неожиданно поменялись приоритеты. И вождь пролетариата, в одночасье, стал непопулярным в пролетарском государстве. А жаль. Уж больно долго готовился к этой роли Степан Михайлович. И не без основания. К тому времени была выбрана пьеса, та самая Погдинская «Третья патетическая», заказан пластический грим на Мосфильме, для Кавалерова, разумеется. По этому поводу из Москвы приезжал специальный человек, чтобы снять мерку для парика, и слепок для носа. Даже набор бровей сделали. Свои-то у Степана Михайловича выщвели и поредели. Короче, было все очень серьезно. И вдруг... – нате вам.

Кстати, во время очередной примерки грима его и запечатлел местный театральный фотограф. Предполагалось, для будущей афиши. Однако, судьба распорядилась по-своему,

о чем Степан Михайлович долго горевал. На такой роли можно было всю жизнь прожить припеваючи, получив все мыслимые и не мыслимые звания и регалии. Но, не случилось. Чего не случилось, того не случилось. Однако, время лечит. И Кавалеров потихоньку смирился, понимая, назад дороги не будет. Во всяком случае, на его веку, точно. Но, с тех пор взял за правило, и в повседневности носить специфическую бородку, заботливо подстриженную рукой театрального парикмахера. Вроде, отдавая дань памяти периоду жизни, полному надежд, планов и, если хотите, дерзких мечтаний.

И все-таки, справедливости ради, надо сказать, Степан Михайлович и звания, и всевозможные регалии, в результате, все-таки, поимел. Хотя для этого пришлось пройти весьма извилистый и нелегкий путь. А так же приложить немало собственных усилий. Бывало, приходилось наступать на горло рвущейся из организма песне, частенько кривить душой.

– А кто не кривил-то?

Так вот. Кривить душой и поступать в разрез со своей совестью. Не каждый раз, но, бывало. Кстати, со временем совесть его попривыкла к подобным экзерсисам и не очень донимала ночами. Причем, самому Степану Михайловичу не приходилось прикладывать особых усилий, чтобы заглушить ее, год от года, слабеющий голос.

И надежды его, в основном, тоже сбылись. И планы реализовались. В основном. Правда, была одна не сбывшаяся мечта, появившаяся в последние годы. Но и она, судя по всему, из мечты потихоньку превращалась в реальность.

Профессорское звание – вот как она называлась, мечта эта. Откуда вдруг такое? А вот, откуда.

Степан Михайлович Кавалеров многие годы, помимо основной работы в театре, вел курс на актерском факультете местного театрального института. Да, да. А чего тут удивительного? Преподавал и выпустил в мир не одно поколение, разъехавшихся по разным театрам страны учеников. И, естественно, вправе был, рассчитывать на это самое профессорское звание. Тем более, что все вокруг, с кем он начинал на этом поприще, всяческие звания уже получили. А как бы хорошо звучало: «Народный артист России, профессор... ну и так далее». Но, пока звучало только: «Народный артист России», что, конечно, поверьте, тоже дорогого стоит. Но с «профессором» было, куда солиднее. А, если б к этому можно было добавить: «Исполнитель роли вождя мирового пролетариата...». Ай, да что там.

Внезапно вождь тихонько захихикал. Не тот, что на стене, тот, что в кресле. Неожиданно вспомнились далекие молодые годы, когда они с приятелем, закончив дневную репетицию, забегали в ближайший шинок. Нашарив по карманам рубль шестьдесят две, покупали ноль семьдесят пять «Яблочного», в простонародье «Шафран», тут же ныряли в первый попавшийся подъезд и в лифт. И пока лифт, скрипя, отдуваясь и постанывая, с трудом поднимался на девятый этаж, один успевал выдуть ровно полбутылки пойла прямо из горла. Оба научились не ошибаться в дозах. Лифт сразу отправлялся обратно, и вторые полбутылки доставались следующему, уже на спуске. Как ни в чем не бывало, друзья-приятели выходили из подъезда, закуривали, и минут через пять следовало то, ради чего все это задумывалось, «Шафран» бил по «шарам».

– Эх, молодость, молодость. – Степан Михайлович опять, и с удовольствием, захихикал. Воспоминания были приятны, и он вновь плеснул в стакан.

Нет, коньячок, конечно, тоже не подводил. Но того азарта, я бы даже сказал, некоего шарма, не ощущалось. Да и где ему взяться нынче, этому навсегда потерянному азарту и, тем более, шарму?

Однако и в этот раз результат не заставил себя ждать. По телу разлилось приятное тепло, а на душе стало легко и покойно. Впрочем, душу его давно уже ничто особенно не потрясло. За многие годы работы, он научился не принимать близко к сердцу ни одно событие, каким бы оно не было. Научился, конечно, не сразу. Давным, давно, по каждому пустяшному поводу,

а случалось и вовсе без, переживал, расстраивался, нервничал. Не спал ночами. Думал и передумывал снова и снова. Но, потом оказывалось, что все это – пустое. И, глядишь, неурядицы устаканивались, как-то, сами собой, освобождая его от обязанности принимать решение, которого, как правило, у него никогда и не было. Вот так и выезжал на кривой, до поры, до времени.

Но, все это случалось по молодости.

Степан Михайлович взял со стола тюбик с вазелином. Обильно выдавил на руку и густо смазал лоб, щеки, подбородок. Энергично растер пальцами. Затем салфеткой, аккуратно, снял остатки грима. И вновь внимательно рассмотрел лицо в зеркале. Без грима стало еще хуже. Опять не понравился себе Степан Михайлович. Ой, как не понравился. И замер. В голову несколько раз толкнулась, а затем потихоньку пролезла неприятная мыслишка, причем, не первый раз. Он гнал мыслишку эту. Но та была назойлива и упорна, и, время от времени, возвращалась вновь. И от мысли этой у Степана Михайловича портилось настроение, появлялась мрачность, и возникали сомнения. Вот и сейчас:

– А стоило ли за все это платить такую цену? И нужно ли все, что он делал эти долгие годы, хоть кому-то, по-настоящему? И в первую очередь ему самому? Да, вот именно, ему самому. – Степан Михайлович, пытался отогнать эту паскудную мыслишку, попробовал думать о чем-то другом. Но, она, мыслишка эта, вновь, нахально, пролезала в сознание:

– И действительно. Ну, чего, в конце концов, такого особенного он достиг. Ну, звания – да. Однако – суeta суeta. – Пококетничал он. – Вот, профессором, наверное, скоро будет – тоже, самое. Ну, положение в театре – само собой. Но, тут, пожалуй, Степан Михайлович сильно лукавил. И званиями, и своим положением он безмерно гордился. Да и любой, на его месте, гордился бы. Но, вот, цена.

Да. Кстати, о положении. Совсем забыл сказать, что последние десять лет, ко всему прочему, Кавалеров тянул на себе еще и лямку художественного руководителя театра. Хотя, чего душой кривить. Давно уже тяготился должностью. Нет, поначалу, это ему импонировало. И он с радостью принял предложение.

– Ну, если не я, то кто же? – Гордился он.

И, на самом деле. Кто же? Кому, как не ему, корифею, в самом прямом смысле этого слова, встать на капитанском мостике у руля. Формировать труппу. Выстраивать репертуар. Наконец, приглашать на постановки режиссеров. Однако, надев на себя этот хомут, вскоре понял, хомут-то надобно тянуть. И, знаете, по началу, тянул. Тянул изо всех сил, даже срывался на галоп. Потом, все больше рысцой, время от времени, переходя на шаг. А последние два, три года и вовсе плелся, едва передвигая копыта.

Понятно, что все это, фигурально выражаясь. Так-то, он был еще, о-го-го. Несмотря на свою грузность, старался держать себя в форме. По утрам непременно делал приседания с наклонами. Правда, до пола руками он и в молодости не доставал. Но пытался, честное слово. Каждое утро, пытался. Потом, что еще? Ах, да. Обтирался холодной водой. Ежился, кряхтел, уж больно не нравилась ему эта процедура, но, тем не менее, обтирался. Чтобы видела жена.

Ну, и, пожалуй, главное. Эта самая жена. Молодая жена. Впрочем, не такая уж и молодая на сегодняшний день. Однако, ради нее он оставил свою прежнюю благоверную, с которой делил постель годков эдак двадцать. Как говорится, и в горе, и в радости. Слепил двух дочек, которые к тому времени сами обзавелись семьями и, благополучно, ушел к своей давнишней и верной поклоннице, роман с которой тайно, но регулярно поддерживал на протяжении многих лет. Справедливости ради надо сказать, что ушел с одним чемоданом, оставив прежней семье все нажитое за долгие годы «непосильного труда».

Хотя, о чем тут может идти речь? Когда это периферийные актеры, даже самые раз самые, могли заработать что-то приличное? Вот так и перебивались от зарплаты до зарплаты. Нет, конечно, бывали случаи, когда, неожиданно, какой-нибудь столичный режиссер приглашал из далекой глубинки понравившегося счастливчика к себе в театр. Или киношный, к себе

в картину. Или сразу, и в театр и в картину. Но это бывали все-таки исключения из правил. А мы говорим о правилах. О системе, сложившейся десятилетиями, да что там десятилетиями. Веками. Со времен Счастливецва и Несчастливецва, так точно показанных классиком.

Но, не это главное. Главное, что ушел с одним чемоданом. Оставил все что было – квартиру в центре города. А по тем временам, приличная квартира сама по себе была приличным состоянием, когда большинство актеров ютилось семьями в общежитии с кухней и удобствами в конце коридора. Вот на эту самую общую кухню и привел наш Степан Михайлович молодую жену, заняв маленькую комнатку в конце длинного коридора, по соседству с этими самыми удобствами. И, был, вроде бы, даже счастлив.

Но и тут судьба благоволила к нему. Потому, как эту комнатку они, с молодой женой, занимали недолго. Супругу, она, кстати, не покладая рук, трудилась в сфере торговли, назначили директором центрального гастронома города. А тут перестройка, грянули девяностые. Приватизация-мриватизация и, сами понимаете, вскоре, молодожены переехали в новенькую двух уровневую, и с евроремонтом. Но, ни какой корысти Кавалеров не преследовал. Его сразил наповал Ангел Любви. Что ж, это сплошь и рядом случается. А Кавалеров-то, чем хуже? Хоть и не мальчик, но муж. Но, любовь любовью, а отказываться от того, что само плыло в руки, глупо было бы.

Театр опустел. Актеры давно разошлись по домам, ко щам и жареной картошке. Рабочие разобрали декорации и подняли кулисы. И только Кавалеров никуда не торопился. Ему было уютно в старой гримерке, где он прожил значительную часть своей жизни. За этим самым столиком и в этом самом кресле. Сколько десятков лет он ежедневно приходил сюда?

– А действительно, сколько? – Кавалеров попробовал сосчитать, но сбился. Коньячок давал о себе знать.

– Да не все ли равно? Какая разница. Много. – Сказал он, махнул рукой отражению и, поудобнее, устроился в кресле.

Он, не просто так, не уходил домой. Было одно важное дело, отложить которое Степан Михайлович, ну ни как не мог. Но для этого требовалось время полного покоя в театре. Потому он и ждал, когда все разойдутся, чтобы наступило это время.

В гримерку осторожно постучали. Скрипнула дверь. Приоткрылась. И раздалось низкое контрольное вахтерши:

– Степан Михайлович. Вы еще не ушли? А-то я гляжу, на вахте ключа нет. Все сдали, только ваш один и остался.

– Возьми его, Валюша. Я своим закрою. – Кавалеров повернулся к двери. – Что, все разошлись?

– Да уж с полчаса как разбежались. Я и служебный заперла. Там Петрович остался. Вдруг, кто вернется. А сама к вам, узнать. Может, нужно чего?

– Да, нет, Валюша, ничего не нужно. Иди, себе. Я через директорское парадное выйду. Заодно, шоферу скажи, пусть машину туда же подгонит. – И вдруг, передумал. – Погоди минутку. Дверь прикрой. Хотя, чего там. Все равно никого нет. – И предложил, неожиданно, немного обескуражив. – Выпей со мной. – Вахтерша застеснялась. – Да, ладно тебе. Я ведь помню, как ты прежде зажигала.

– Прежде. Что прежде было, былем поросло. Ты вон, Степан Михайлович, тоже не промах был. – Глянула на Кавалерова вахтерша, перейдя на «ты». Я помню, как ты меня, лет сорок назад, аккуратно, под новый год портвейном угостил, а потом вот в этой самой гримерке, на эту самую банкетку уложить пытался. Не уж-то повторить решил? – Вахтерша хохотнула низко и присела на край расшатанной банкетки.

– Да ну тебя, Валька. – Теперь уже смутился Кавалеров. Потом что-то вспомнил. – А чего это, вдруг, пытался? Не пытался, уложил. – И глянул на нее соколом.

- Да-а? – Зарумянилась вахтерша. – Точно уложил? Что-то я такого не припомню.
- Уложил, уложил. – Кавалеров лихо подкрутил несуществующий гусарский ус.

Надо сказать, что вахтерша Валя, а лет двадцать назад Валентина Петровна, а еще раньше просто Валюша, молодая, подающая надежды, актриска, только после училища, была необычайно соблазнительна, той вызывающе вульгарной, но сразу бросающейся в глаза, красотой, которую умеет ценить наш брат, мужик. От рабочего сцены, до директора, все, как один, пускали слюни, глядя на ее крепкий зад, посаженный на такие же крепкие ноги и фантастическую, тогда еще упругую, грудь. И все это при необычайно тонкой талии. А ведущий артист Гоша Григорян, царствие ему небесное, даже придумал стишок и декламировал при каждом удобном случае:

- Валькин шарик, как орех.
- Так и просится на грех.

Но годы внесли свои коррективы. И в шестьдесят пять, Валюша превратилась... ну, в кого превратилась, в того и превратилась. И только голос – низкое грудное контральто – остался прежним.

– Ну, давай, наливай, чего уж там. – Вынула она из кармана синего халата граненый стаканчик и протянула Кавалерову. – Только на доньшко, а то захмелею. Я ведь знаю, ты нынче крепкое пьешь. Да и себе плесни. Что я в одного пить буду? – И стало заметно, она уже позволила себе малую толику.

Кавалеров разлил. Подружке чуть-чуть, в свой – побольше. И спрятал остаток за зеркало. Выпили по глоточку. Помолчали.

Валюша, давайте и дальше так ее называть, для удобства. Будто и не было этих сорока лет на сцене, а, в результате, как и у всех, мизерной пенсии, к которой, чтобы, как-то прожить, приходилось добавлять такой же мизерный заработок вахтерши. Хотя, дело, наверное, не только в деньгах. Да, что там, наверное. Наверняка. Сейчас у нее оставалась, хоть какая-то видимость нужности, а главное, причастности к любимому делу. Пусть у вешалки, но в театре. На проходной, но рядом со сценой.

Так вот. Валюша повернула голову в сторону Кавалерова, глянула на него повлажневшими глазами.

- Что, Степа, к финалу дело-то идет?

– Ты, про что это, голуба, моя? – Степан Михайлович сделал вид, что не понимает.

– Да, про то. И не делай такие глаза. – Валюша глянула на Кавалерова. Продолжила. – Ты думаешь, я не вижу, каково тебе нынче приходится. Ты думаешь, другие не видят? Нахватал должностей со всех волостей. А ведь не мальчик. Поберечься бы надо. Передохнуть. Сделать паузу. – Перевела дыханье. И тихонько, по-матерински жалостливо, почти без звука попросила. – Побереги себя, Степа.

Кавалеров ошарашено глянул на нее:

– Ну, ты ведьма. Я ведь, только недавно, то же самое себе говорил. Ты, что? Мысли мои подслушала. – И повторил с расстановкой еще раз. – Только что, на этом самом месте, – он обеими ладошками шлепнул по подлокотникам кресла, – буквально, перед твоим приходом, – с нажимом, и по слогам, произнес он, – об этом думал. Ну, ведьма. Право слово, ведьма. Недаром, про тебя говорят, будто, что угодно наворожить можешь. – Попробовал перевести все в шутку. Протянул руку и слегка ущипнул ее за бок. – Может, и мне поворожишь? – И вновь, глянул на нее теперь уже не соколом, орлом. Валюша, от неожиданности, вздрогнула, но игры не приняла.

- Тебе не буду. – Серьезно произнесла она. – Да и незачем. Тебе и без меня наворожат.
- Это ты про что? – Не понял Кавалеров.
- Не про что, а про кого.
- Ну, про кого? – Поправился он, еще ничего не подозревая.

– А-то сам не знаешь. – И, повернув лицо в его сторону, поманила пальцем. Кавалеров, хоть и с трудом, однако, наклонился к ней. Валюша, глядя прямо в глаза, произнесла с придыханием, понизив, и без того низкий голос, почти до баса.

– Ты за бойлерной давно не был?

– Давно... – И тут же поперхнулся. Поспешно прикрыл рот рукой. – А ты откуда...? Ты про что? При чем тут бойлерная? – Смешался он.

– Э, милай. – Валюша ласково погладила его по плечу. – Я все про тебя знаю. Даже то, что ты забыл. Сам ведь, только что меня ведьмой назвал. Чего ж удивляешься?

– Действительно, чему я удивляюсь. – Попытался прийти в себя Степан Михайлович. – Так, что ты там, про бойлерную? – Спросил он бодро и попробовал вновь пошутить, ущипнул за то же место.

– Не шути, Степушка, не надо. Такими вещами, грех шутить. Не всем на веку, ой как не всем, выпадает подобный случай. Тебе вот, повезло. Выпал. А многие и не подозревают, что может случиться такое, в жизни. Дух театра, он ведь не каждому открывается. Тебе открылся. Ты цени это.

– Чего ты мелишь? – Степан Михайлович совсем растерялся и сник. – О каком везенье говоришь. – Замолчал. Глянул на нее, полными слез глазами, – Э-э-х, Валюша. Знала бы ты... – Слезы обильно покатались по обвисшим щекам. И заплакал Кавалеров, уткнувшись мокрым носом в Валюшину необъятную грудь. Заплакал огромными слезами. Заплакал, как плачут дети, когда их незаслуженно обидят взрослые, и когда у них нет никакой возможности рассказать о той несправедливости, что сотворили с ними, как только выразить свой протест через горькие слезы. А что еще остается?

Теперь уже Валюша растерялась.

– Ну, будет тебе, будет. – Она коснулась губами его лысины. Думала успокоить. От этой немудреной ласки Степан Михайлович разревелся, еще пуще. Со всхлипываниями, какими-то утробными звуками и поскуливанием. Затем поднял голову, глянул на нее. Из ноздри его выдулся огромный пузырь, потом, сдулся, тут же выдулся снова, и, лопнул. Вахтерша не удержалась и расхохоталась басом. За ней рассмеялся и Кавалеров. Валюша взяла салфетку. Промокнула Кавалерову щеки, вытерла нос.

– Прости, Валюша. Нервы ни к черту. – Степан Михайлович взял у нее салфетку. Поводил по щекам. Отбросил в сторону. Успокоился. Поднял со столика старинный черного серебра портсигар. Достал сигарету себе, протянул подружке. Оба, молча, задымили.

Пока они курят, мы с вами попробуем вернуться лет эдак на сорок с хвостиком, назад. В те годы, когда молоденький Степа Кавалеров только начинал долгий и весьма тернистый путь восхождения на свой собственный театральный Олимп, на вершине которого, как оказалось, не так уж и сладко почивать на лаврах. Да простят мне мою высокопарность.

И кто знает, как бы сложилась Степина судьба, если бы не случай. И, что характерно, весьма часто в театре, да, наверное, не только, судьба зависит от этого самого случая. Но в театре заметно, особенно. Вот и со Степой так.

2

Как он оказался в этом самом дальнем закутке за бойлерной, теперь уже никто толком не скажет. Да и говорить особенно некому, потому что мало кто знал все эти долгие годы о самом существовании закутка. И, уж, конечно, мало, кто забредал туда в подвал, миновав оркестровую яму, пройдя коротким, но низким коридорчиком при свете тусклой дежурной лампочки под сцену, умудрившись при этом не набить шишку на лбу, и не вымазаться в пыли и паутине. Затем, миновать помещение с механизмом поворота круга, протиснуться в узкую дверцу того самого закутка за бойлерной, и оказаться в комнате заваленной старой, отслужившей свой век, театральной мебелью.

Но факт, остается фактом. Каким-то образом забрел туда наш Степа, и главное, весь в растрепанных чувствах, и зело под хмельком, после выволочки, что устроил ему новый главный во время репетиции. Забрел. Огляделся при свете тусклой лампочки, не совсем понимая, где находится. Увидел в дальнем углу роскошный деревянный трон, обитый красной медью. И спектакли-то такие давно не шли, где он мог бы пригодиться на сцене. Увидел и умилился.

– И как же ты тут оказался, красавец мой? – Сказал он громко и направился к трону. Трон действительно был хорош. Работы старого театрального мебельщика и бутафора Тимошина-Ходушина, чьи работы из белой жести под хрусталь, до сих пор выставлены в Бахрушинском музее. – Кто же тебя сюда определил? – Вновь умилился Степа, аккуратно расчистил его, от наваленного барахла. Залюбовался. Как мог, стер пыль с сиденья и подлокотников. И уселся в красную плюшевую мягкость, приветливо заскрипевшую старыми пружинами. Уселся и задремал. А может, и не задремал. Просто размечтался и расфантажировался. И, незаметно, расстроенные его чувства пришли в порядок. Обрели стройность и легкость. Сколько уж он так просидел, никто не знает. Очнулся, когда в голове зазвучала тихая, но весьма приятная, мелодия, чему он безмерно удивился. Потом сообразил, что мелодия эта звучит вовсе не в его голове, а скорее всего, доносится сверху, со сцены, где в этот момент начинался вечерний спектакль.

– Ну, вот. – Произнес он. – Спектакль начинается. А что у нас дают сегодня? – И сам же ответил.

– «Последние» Горького. – И тут же остановил сам себя на полуслове. – Постой. В «Последних» совсем другая музыка. Я точно знаю. Значит, что? – Он попытался сосредоточиться. – Значит... – Замолчал на секунду. Продолжил. – Значит, что ничего не значит. И музыка эта к спектаклю не имеет никакого отношения. – Сделал паузу. Спросил сам себя. – Я что же, сам с собой разговаривать начал?

– А хоть бы и сам с собой. Что тут такого? – Услышал он голос. – Почему не побеседовать с умным человеком?

– И действительно, почему? Если есть, что сказать. – Хмель еще вовсю гулял в Степином организме. – Почему не поговорить? – И новая мысль образовалась в нетрезвой Степиной голове:

– А, все-таки, музыка. Откуда? – Сам же нашел ответ. – Видно, приснилась. – И тут же возразил. – Но сейчас-то я не сплю. Или все-таки сплю? – Вконец запутался он. Махнул рукой. – Ну, и черт с ней. С музыкой. – Устроился на троне удобнее. Прикрыл глаза. Тихонько. Едва слышно заурчал себе под нос тоненьким голосом.

Как у бабушки козялок.

Как у бабушки козялок.

Козялок, козялок.

Козялок. Козялок.

Подложил под щеку ладошку. Задыхал ровно, подчинившись сморившей его дреме. И, сквозь дрему услышал, все тот же голос, как ему показалось, немного обиженный:

– Ну, вот. Вечно так. В кои веки живая душа забрела, а поговорить не с кем. Эй, парень, хватит ночевать. Давай побеседуем. Выспишься еще. Успеешь.

– Сейчас, сейчас. – Степа завозился на троне, положил под щеку вторую ладошку, зачмокал губками. – Пять минуточек. Только пять минуточек и все. – Внезапно открыл глаза. Мгновенно уселся. Огляделся по сторонам. – Кто здесь? Кто это со мной разговаривает? А ну, выходи. – Завертел головой. Увидел бутафорскую сабельку. Схватил в руки. – Выходи, говорю. А то, хуже будет.

– Да я, вроде, и не уходил никуда.

– Кто здесь? Объявись. – Степа взмахнул над головой деревяшкой. – Выходи на свет. Видеть тебя хочу.

– Ну, на счет видеть, это вы погорячились. А вот, поговорить, пожалуйста. Это мы всегда готовы. – Степа вновь завертел головой по сторонам, пытаясь разглядеть собеседника.

– Да вы головой-то не вертите. – Прошелестело у самого его уха. – Все равно ничего не высмотрите. Придет время, я сам покажусь. А пока давайте, как есть.

– Ну, уж нет. – Заупрямился Степа. – Хочешь разговаривать, выходи из неизвестности. Я видеть должен собеседника.

– Экий вы, несговорчивый. – Раздраженно ответил голос. – Говорю же, не время еще. Вечно торопыжничаете. Вот и сегодня, ведь за свою торопливость, от главного схлопотали.

– Стопаньки. – Удивился Степа. – А тебе, откуда известно, про главного?

– Что значит, откуда? – И дальше с ехидцей. – Известно, вот. – И уже серьезно, даже с некоторой грустью. – Мне, по должности моей, полагается знать все и про вас, и про то, что в театре творится.

– Погоди, погоди. – Поначалу растерявшийся, Кавалеров, постепенно, начал приходить в себя. И хоть выпитый накануне портвейн все еще играл в его голове и будоражил кровь, а может, как раз, именно поэтому, он перестал чему-либо удивляться и принял все происходящее, как данность.

– Погоди, погоди, – вновь повторил он, – это по какой такой должности? Я, что-то не понимаю.

– Ну, что ж, молодой человек, в силу своего зеленого возраста, вы многого еще не понимаете. А, уж если честно, то, просто, ничего. Ровным счетом, ничего.

– И чего ж такого особенного, я не понимаю? – Обиделся Степа.

– Да вот, взять, хотя бы, ваш сегодняшний инцидент с новым главным.

– Ну и что, инцидент? – Степа насторожился. – Ничего особенного не произошло. Так, творческие разногласия, на тему роли. Обычное дело.

– Конечно, ничего особенного. Только, после этого, вы выдули бутылку портвейнового вина. Обычное дело? – Хохотнул голос весело.

– Эй, эй! – Возмутился Степа. – А тебе-то, что до этого? Тебе-то, что? Ну, выпил и выпил. Стресс хотел снять.

– Вот, видите, стресс. А говорите, творческие разногласия. Обычное дело. Себе-то хоть не врите.

– И все-таки, – Степа попытался сменить тему, – это по какой такой должности тебе положено все про меня знать?

– А, не могли бы вы обращаться чуть повежливее. – Не ответил на вопрос голос. – Я ведь вам не тыкаю. И вас попросил бы разговаривать со мной, на «вы». Мы же не в казарме. – В голосе вновь проскользнула обида.

– Без проблем, – легко согласился Степа, – но, давайте про должность. Про должность. Публика ждет. – И громко захлопал в ладоши.

– Ну, вот что, публика. Попробуем успокоиться. И командовать прекратим. Все-таки, не я к вам, а вы ко мне пришли. Вот и ведите себя, как гостю положено.

– Извините, пожалуйста. Действительно, чего это я привязался к человеку, то есть я хотел сказать, привязался к... Стоп. – Вновь оборвал себя на полуслове Степа. – А, в самом деле, к кому же это я привязался? – В недоумении, прикрыл рот ладошкой. – Вы, кто такое? Или что? Нет, пожалуй, все-таки, кто.

– Как сказал один мудрый еврей, – в звучавшем голосе появилась некая торжественность и, я бы сказал, определенная патетика. – Я есмь Альфа и Омега, начало и конец ... – Ну, и так далее. Не помню точно, как там по тексту.

– Ничего не понял. – Степа почесал за ухом.

– Так и должно быть. – Ответил голос. – Я, ведь, уже говорил, что вы, молодой человек, ровным счетом ничего не понимаете из того, что происходит сегодня в жизни. А уж в театре, тем более. Не конкретно, в этом, где вы, с некоторых пор, имеете честь служить, а в театре вообще, в глобальном его понимании. В театре, как в храме Мельпомены. Вам, кажется, такое толкование преподавали в училище? И каким вам самому надо стать непременно, чтобы чего-то добиться на театральном поприще. А уж это для вас и вовсе, за семью замками.

– Ну, хорошо. Пусть я не понимаю. А вы-то понимаете? И причем тут Альфа и Омега?

– Ну, Альфа и Омега, может быть здесь и не причем. В смысле, как буквы алфавита. Но очень даже причем, как начало и конец всего сущего. Такие вещи стыдно не знать, молодой человек. Вы с библейскими текстами, похоже, не знакомы. – Пожурил Степу голос.

– Какие тексты? Вы за кого меня принимаете? Я комсомолец. – Гордо ответил Степа.

– Одно другого не исключает. – Спокойно прошелестел голос. – Ваше комсомольское звание, как я понимаю, не мешает вам пороть портвейное вино по случаю, а иногда и без него. Не мешает, не мешает. – Остановил он Степину попытку, что-то сказать. – Я же знаю – не мешает. И, уж поверьте мне, никакого вреда не нанесет вашему комсомолу, если вы библию почитаете.

– Но, ведь, я неверующий. – Попытался возразить Степа.

– А вот это, вы, пожалуй, напрасно, так категорично утверждаете. Это теперь вы не верующий. Хотя, скажу вам откровенно, вы и сами про себя не знаете, какой вы. А, пройдет время, и, глядишь, поменяете свое отношение и к вере, и к богу.

– Ну, уж нет. – Степа чуть не захлебнулся, от нахлынувшего на него негодования. – Что вы такое говорите. Я в партию собираюсь.

– Ну, что ж, партия. Партия сегодня – дело нужное. Богу угодное. Раз существует в этом мире. Но, давайте оставим эту тему.

– Да, да. – Быстро согласился Степа. – Вы там что-то говорили о театральной карьере.

– Разве я что-то говорил о карьере? Не припоминаю.

– А о чем же вы говорили?

– Я говорил о том, каким надо стать, чтобы добиться чего-то путного на театральном поприще. А это, вовсе, не то же самое, что карьера. Но, судя по всему, вам это не нужно. – В голосе появилась насмешка.

– Нет! Нужно! Очень даже нужно! – Отчаянно вскричал Степа. – Мне-то, как раз, и нужно это больше всего на свете. – Недоверчиво покрутил головой. – А вы, действительно, знаете, как это сделать?

– Кому же знать, как не мне. – Внезапно голос замолчал. – Вам, действительно, интересно? Может быть, остановимся. И не будем углубляться в тему.

– Нет. Будем углубляться. Еще как будем. Я просто должен. Нет, я просто обязан знать все, что знаете вы. – Горячо вскричал Степа.

– Э, молодой человек, знать все, что знаю я, вам ни к чему. Но и то, что я поведаю, если все-таки решусь на это, напрочь, переменит вашу жизнь. И не факт, что в лучшую сторону. Вы готовы?

– А это поможет мне добиться, как вы сказали, «чего-то путного»?

– До этого дня помогало. – Произнес голос грустно. – Однако, хочу вас предупредить, многое будет зависеть от вас самого.

– Я готов. Я на все готов. – Вновь отчаянно воскликнул Степа.

– Но, имейте ввиду. – Тяжело и еще более грустно произнес голос. – Если вы, все-таки решите пойти по этому пути, сойти с него будет невозможно. Более того, любая попытка нарушить наш договор, грозит вам потерей всего, чего вы сможете добиться на тот момент. Я повторяю, потерей всего.

– А что, будет какой-то договор?

– Конечно. И очень жесткий.

– То есть, шаг вправо, шаг влево – стреляем без предупреждения. – Попытался пошутить Степа. – Я правильно понял?

– Что-то вроде этого. Только без выстрелов. Хотя, кто знает, может случиться так, не дай бог, конечно, что выстрел будет лучшим выходом из сложившейся ситуации.

– Хватит меня пугать. – Решительно отреагировал Степа. – Давайте, выкладывайте, что надо делать.

– Не так быстро. Экий вы, скорый. Сначала – договор.

– Ну, так давайте заключим его, и дело с концом. Я готов тут же его подписать. Если хотите кровью.

– Так уж и кровью. Вижу, историю доктора Фауста, вы хорошо усвоили. Но, я не дьявол, вы не чернокнижник. А поэтому обойдемся без крови. Мне достаточно вашего слова. Но, только, как быть с комсомолом? тем более, с партией? Вы же сами сказали, что неверующий. А то, о чем вы просите, скорее из области мистики, и к диалектическому материализму отношения не имеет. – В голосе вновь прозвучала откровенная насмешка. – И, как же нам быть? А?

Степа ничего не ответил. Просто вскочил на ноги. Вытянулся в струнку, приложил правую руку к сердцу и торжественно произнес:

– Я, Степан Михайлович Кавалеров, находясь в здравом уме и твердой памяти, обещаю и клянусь, неукоснительно следовать всем рекомендациям и распоряжениям, которые получу от ... – и замолчал в растерянности. Спросил:

– А от кого я буду получать эти рекомендации? Эти распоряжения? Кому я клятву свою приношу?

– Получать от меня. По необходимости, мы с вами пообщаемся, тут или в другом месте. Это не принципиально. Я всегда вас найду. А клятву свою..., кстати, я вовсе не просил вас клясться, это ваше доброе желание. Но, за язык вас никто не тянул. Что сказано, то сказано. Так вот, клятву вы приносите не мне, а своей собственной судьбе, которая, правда, во многом, что касается вашей жизни в театре, теперь будет зависеть и от меня. Ну, так что? Не передумали? – И в Степину душу закралось недоброе сомнение, а правильно ли он поступает. Но, тут же и рассеялось, сомнение это.

– Не дождетесь. Я для себя все решил. И не отступлюсь. Так что, не уговаривайте. А лучше, давайте ваши инструкции. Я готов с ними ознакомиться и четко следовать, как вы уже сказали, «всю оставшуюся жизнь».

– Ваша решительность весьма похвальна, молодой человек. Но я обязан был предупредить в последний раз. Только, каких-то особенных инструкций, от меня не ждите. Все по ходу дела. То есть, я хотел сказать, вопросы будут решаться по мере их поступления. Однако кое-какие основные правила, вам необходимо знать уже сейчас. Как бы их донести до вас поточнее. – Голос на секунду замолчал. Продолжил. – Мы, вот как с вами поступим. Нечего избоб-

ретать велосипед. Лучше чем в свое время об игре сказал классик, не скажет никто. Правда, он говорил не совсем о той игре, что мы с вами имеем в виду. Но, ведь театр, тоже – игра, да еще какая. И отрицать этого, никто не станет. Так, что я вам просто процитирую кусочек из Лермонотова. – Повисла пауза. – Кстати. Вы все еще можете отказаться, пока я не начал.

– Цитируйте, цитируйте. Я для себя все решил. – Степа вновь уселся на трон. Приготовился слушать.

– Ну что ж, – вздохнул голос. Тогда поехали. Как там в начале? Ах, да. Пожалуй, что, начнем отсюда.

«Два средства только есть:

Дать клятву за игру вовеки не садиться

Или опять сейчас же сесть». – Ну, это к вам, особенно, не относится. Хотя, кто знает. Кто знает. А вот дальше. Это совсем для вас. Слушайте внимательно:

«Но чтобы здесь выигрывать решиться,

Вам надо кинуть все, родных, друзей и честь,

Вам надо испытать, ощупать беспристрастно

Свои способности и душу...» – Не перебивайте, пожалуйста. – Отвлекся голос, заметив Степину желание, вставить словечко. – Ну, вот. Сбился. Как там дальше? Кажется так..

«Все презирать: закон людей, закон природы.

День думать, ночь играть, от мук не знать
свободы,

И чтоб никто не понял ваших мук.

Не трепетать, когда близ вас искусством равный,

Удачи каждый миг постыдный ждать конец

И не краснеть, когда вам скажут явно:

«Подлец!

– Ничего себе. – Степа после этих слов, просто обалдел. – И через все это я должен пройти?

– Не только пройти, но, денно и ночью, соблюдать выше сказанное. Однако, еще не все. – Голос сделал паузу, вспоминая. А, вот это и, вовсе, для вас. И, пожалуй, самое главное. Слушайте внимательно:

«Какой он нации, сказать не знаю смело:

На всех языках говорит,

Верней всего, что жид.

Со всеми он знаком, везде ему есть дело,

Все помнит, знает все, в заботе целый век,

Был бит не раз, с безбожником – безбожник,

С святошей – езуит, меж нами – злой картежник,

А с честными людьми – пречестный человек.

Короче, ты его полюбишь, я уверен...»

Последнюю строчку голос произнес, обращаясь непосредственно к Степе. Нет, он все тексты произносил, обращаясь к нему. Но, на последний сделал особенный акцент. И Степа понял, что влип.

– И что же, – в растерянности пролепетал он, – я таким должен стать? Да это же – безумие, какое-то? И другого пути нет?

– Ну, отчего же. – Голос неожиданно обрел доселе не свойственную ему твердость. Я бы даже сказал, металлическую твердость. И отозвался эхом в Степиной голове. – Есть, наверное, и другие пути. Однако, этот самый короткий и, пожалуй, для вас самый подходящий. Хотя все относительно. Да вы не огорчайтесь. Голос заметил Степино растерзанное состояние и заметно потеплел. – Это только на первый взгляд страшно, и невозможно. Дело в том, – В голосе опять появилась некая обволакивающая мягкость, – дело в том, что в вас, как, впрочем, и в любом другом, все это уже присутствует. Мы с вами только немножко разовьем и усилим выше перечисленное.

– Но, я не хочу. – В ужасе вскричал Степа.

– А вот об этом раньше надо было думать. Я вас предупреждал и отговаривал. Вы почти убедили меня, что на все готовы. Теперь поздно, что-то менять. Слово сказано. Однако, не горюйте. Все скоро встанет на свои места. Конечно, сначала будет тяжело. А кто обещал, что легко будет? Но, пройдет какое-то время, и вы попривыкнете. А потом и вовсе перестанете внимание обращать на такие мелочи. Однако, каждую строчку, – голос вновь приобрел металлический оттенок, – помнить будете ежесекундно. И не только помнить, но и следовать всей своей жизнью.

3

Степан Михайлович Кавалеров затушил сигарету в пепельнице, стоявшей на столике, повернулся к подружке и грустно произнес:

– Вот, такая, вот, история, Валюша. Вот, такая история. А теперь скажи. – Кавалеров глянул ей прямо в глаза. – Почему, все это со мной? – Валюша хотела ответить. – Нет. Стой. Не говори ничего. – Вскинул руку. – Я знаю. – Помолчал. Заговорил медленно, тщательно подбирая слова. – Теперь мне понятно, я сам хотел чего-то такого. Ну, подобной встречи, что ли. Подспудно. Даже представить не мог, что она состоится. Но очень надеялся и верил: произойдет, непременно, произойдет что-то необычное и все изменится. И все придет. Все, и сразу. И это случилось. Я получил то, о чем даже мечтать не мог. И что же? Пустота. Внутри одна пустота. Он выхолостил меня. – Кавалеров внезапно замолчал. Подумал. – Нет не он. Конечно же, не он. Сам я себя выхолостил. Потому что, тогда там, за бойлерной, принял его безумные правила игры. И ни разу не отступил от этих правил. Ты думаешь, мне неизвестно, что в труппе обо мне судачат. Вот, даже ты, только что высказала, мол, набрал, «должностей со всех волостей». Хватает все и ртом, и... Молчи. Знаю, другие так же думают. А что я мог? Что я мог?

– Ну, уж во всяком случае, – перебила его Валюша, – ты, в любое время мог это прекратить.

– Прекратить? Думай, что говоришь. – Возмутился Кавалеров. – Как можно было отказать от того, что само плыло в руки. Ты-то должна помнить, что я играл в те годы. Одна массовка за другой. Из спектакля в спектакль. Из спектакля в спектакль. «Где мой Вася!?» – Ревел на сцене Васильев. И я тут же выбегал с подносом. И это еще, слава богу. Там хоть какой-то текст был. А в остальном, третий гриб, в пятом ряду.

И, вдруг, все меняется. Приходит очередной главный, и сразу – роль. Не массовка, не эпизод, роль. Я тогда моментально понял, чьих рук, дело. Месяца не прошло после встречи. Он, кстати, тут же о себе напомнил. Захожу к себе в грим уборную, а на столике, вот тут, – Степан Михайлович пальцем показал место, – в углу, рядом с зеркалом, лежит потрепанная книжонка. А на обложке «Маскарад». Откуда она взялась? Знаю, он напомнил мне, какую клятву я тогда сдуру дал. Да я и не забывал. Эти его слова, у меня вот тут, – Кавалеров хотел приложить руку к сердцу, но приложил почему-то к животу. – Вот тут, в душе, каленым железом записаны. На всю жизнь засели. И каждый раз всплывали, когда приходилось принимать, хоть какие-то, решения. Да я их и не принимал особенно. – Перебил он сам себя. – Само собой как-то рассасывалось. Но, знал. Я знал, само собой ничего не бывает. – Кавалеров замолчал на минутку. Перевел дух. Продолжил:

– После того раза, сколько я не ходил вниз, сколько не звал его, он так ни разу не проявился. За все пятьдесят лет – ни разочка. Я уж сомневаться начал. А было ли со мной все это. Может, привиделось с пьяных глаз? Однако, чувствовал. Тут он, рядом. Без его участия ничего в театре не происходило. Во всяком случае, со мной.

И еще. В одном, он тогда был прав, пройдет какое-то время, и все встанет на свои места. Привыкну. И ведь, знаешь, привык. Привык, черт меня подери. Тем более, и привыкать-то особенно было не к чему. Мне даже поначалу нравилось. Вот, думаю, красота. Все, будто по маслу. Все срастается. А что обо мне за спиной говорят – плевать. Друга потерял – плевать. Любовь не сохранил – плевать. А потом, как с Мидасом. Помнишь? К чему не прикоснется, все – золото. И у меня. Я только подумаю, и уже, все получилось. Иногда и думать не успевал. Но, понимал. Моей заслуги в этом – ноль. Даже страшно иногда становилось. Я чувствовал, нет, я просто знал, что все, что я делаю, исходит не от меня. Будто кто-то меня по жизни тащит и за меня все решает. И ведь знал кто. А что я мог?

– Ты, вот что, Степушка. – Валюша все-таки прервала его словоизлияния. – Ты зачем мне все это рассказываешь? Хочешь, чтобы я тебя пожалела? Так не буду я тебя жалеть. Сам выбрал свою дорогу. Правильно ты сказал. Это было твое решение. За все платить надо. И не плачься мне тут о своей горькой судьбинушке. Не такая уж она у тебя и горькая. Тащили его по жизни, видите ли. – Валюша, очень похоже, передразнила Степину интонацию. Посмотрела на него в упор. Улыбнулась. – А то, что ты, на старости лет, решил замолить грехи молодости, так это – нормально. – Еще шире улыбнулась. – Все мы грешим. Кто больше, кто меньше. Однако, если покопаться, у каждого найдется свой скелет в шкафу. Так и происходит. Как там сказал классик? «По молодости грешим, а в старости каемся? Грешим и каемся». Вот и тебе, видно, пришло время, собирать камни, которые ты по жизни расшвыривал. А тут, кстати, я подвернулась под руку. Тебя и разморило, под коньячок. – И вдруг резко сменила тон.

– Только я не поп, Степушка. Грехов не отпускаю. Ты лучше в церковь сходи. Исповедуйся. Глядишь и, полегчает.

– Ходил. Да что толку. – тяжело вздохнул Степан Михайлович и перекрестился.

– И вот, что я тебе еще скажу. – Валюша не дала продолжить Кавалерову. – Верно, тебе тогда голос сказал, что в душе человеческой все есть. И какой выбор человек сделает, зависит только от него самого. Так что, нечего пенять, якобы сбили тебя с пути истинного. Голос, голосом, – Валюша что-то вспомнила. – как ты только что сказал? «Само в руки плыло». Так кажется? Вот ты и не смог отказаться от того, что регулярно к тебе приплывало. И теперь, Степа, поздно что-то менять. Жизнь, фактически, прожита. А уж, каково мы ее прожили, знает только каждый за себя. С тем, друг мой, и до свиданья. Пора мне. – Валюша поднялась с банкетки, тяжело опираясь на Степино плечо. Направилась к двери. В дверях остановилась, оглянулась:

– И напоследок, скажу вам, Степан Михайлович. Вы, я вижу, за бойлерную нынче опять собрались? Собрались, собрались. – Остановила она, пытавшегося, что-то возразить Кавалерова. – Так не ходили бы сегодня. Да и завтра не ходили бы. И, вообще, «не ходил бы ты Ванек, во солдаты». – рывкнула она басом и вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

4

И остался Степан Михайлович Кавалеров снова один. Поставил оба локтя на стол. Подпер ладошками подбородок. Грустно глянул в потемневшее внезапно зеркало и, неожиданно, тоненьким голосом, тихонько, почти шепотом запел.

Как у бабушки козялок.

Как у бабушки козялок.

И откуда-то, из глубины пространства, открывшегося перед ним, откликнулся такой же тихий, далекий, едва слышный голос:

Козялок, козялок.

Козялок, козялок.

Степан Михайлович, как ни странно, ничуть не удивился тому, что услышал. Более того, несказанно обрадовался. Правда, спроси его теперь, чему он так обрадовался, ответить бы, пожалуй, не смог. Но его никто не спросил. Да и спрашивать особенно было некому. Никому не интересен был Кавалеров в этот час. Никому, кроме этого далекого голоса.

Как повадился выгород.

Как повадился выгород.

Выгород, выгород.

Выгород, выгород.

Последнюю строчку, Степан Михайлович, допевал в полудреме, уронив голову на руки, и сладко посапывая.

Однако, как оказалось, спал он недолго. Не больше минуты. Вскрапнул очередной раз и тут же открыл глаза. И, как должное, принял, увидев знакомую картину комнаты за бойлерной, сваленную в беспорядке мебель и трон, на котором он сам, так неожиданно, очутился. Тусклой лампочки, как всегда, хватало только на середину комнаты. Углы же терялись в полумраке. И в этом полумраке угадывалось движение, не движение, но, какая-то неопределенность, это точно. Кавалеров огляделся по сторонам и, на всякий случай, громко произнес:

– Привет! – Ответа не последовало. – Я говорю, привет! – И вновь – тишина. – Да, что же это такое? Мы в прятки играть будем? Или все-таки пообщаемся?

– Пообщаемся. Непременно пообщаемся. Только, вначале, давай допоем последний куплет. – Прошелестел голос рядом. И тут же запел.

Все качаники притоптал.

– Ну, что же ты? Подхватывай! – Рывнуло у него в ухе. И Кавалеров, от неожиданности, завопил, не попадая в ноты:

Все качаники притоптал...

– Зачем же так? – Оборвал его голос. Чего, безобразничаешь? Ты же умеешь. Соберись, дружок. У тебя всегда получалось. Давай, вместе. Три, четыре.

Меня милку целовал.

Целовал, целовал.

– Вот видишь. Можешь, когда захочешь. И еще раз, сначала. Чтобы закрепить – Они спели последний куплет еще раз. Кавалеров вложил в эти строчки всю свою душу. Столько души и волнений он не вкладывал даже в короля Лиру, которого воплощал на сцене лет десять назад. А на последних словах и вовсе вспотел.

– Все. Не могу больше. Устал.

– Да, Степан Михайлович. Стареешь, голубчик ты мой. – Укоризненно произнес голос. – Стареешь.

– Вы, что, сегодня, сговорились, что ли? Одна мне про старость только что толковала. Теперь, вот, вы. Я и сам знаю, что не мальчик, но зачем об этом постоянно напоминать? – В Кавалерове разыграло ретивое. Все-таки, годы руководства, везде и вся, давали о себе знать. И он, честно говоря, в общении с голосом, еще толком, ничего не подозревая, перегнул палку.

Но тот, вроде и не заметил ничего.

– Что, угнетает? – участливо спросил он, не обратив внимания на, откуда, не возьмись, причудливую агрессию. Кавалерова.

– Угнетает, не угнетает. А по десять раз за вечер напоминать – кому приятно? Ну, да ладно. Вы мне скажите... кстати, – вспомнил Кавалеров, постепенно успокаиваясь, – до сих пор не знаю, как к вам обращаться, но все равно, скажите, как я тут очутился? Странно.

– Ничего странного. – Голос зажурчал ручейком. – Просто я предвидел твое желание, наведаться ко мне, так сказать, в апартаменты, вот и постарался.

– А, что же все эти годы вы избегали встреч со мной?

– Все эти годы, как ты сказал. – Голос сделал паузу. Продолжил. – Так вот, эти годы не было надобности для личных встреч. Все шло по плану. Если и были какие-то отклонения, то они корректировались, тут же. Так сказать, в рабочем порядке.

– Что же такое сегодня случилось, что вы решили со мной встретиться? – Кавалеров внезапно почувствовал внутреннее волнение, понимая, что-то грядет. И это хоровое пенье, и это не свойственное голосу обращение к нему, почти запанибрата, на «ты». Все это не предвещало ничего хорошего.

– Да, в общем-то, ничего особенного. Просто пришло время. Так сказать, цикл закончен, пора подвести итоги. – Голос тяжело вздохнул.

– Не понял? Что значит, цикл закончен? Какие такие итоги мы с вами подводить будем? – Степан Михайлович не на шутку встревожился. И, что же со мной будет?

– А что с тобой будет? Ничего не будет. Как раньше жил, так и жить будешь. Только уже сам. Без моего участия.

– То есть, – растерялся Кавалеров, – вы устраняетесь? И теперь, я все должен сам? Так, что ли?

– Все верно, голубчик. Теперь, все сам.

– Но, это же, нечестно. – Возмутился Кавалеров. – Так нельзя. Все это время вы были рядом. Я привык. И, вдруг, бросаете. Я так не хочу. – И совершенно беспомощно прошептал. – Вы не имеете никакого права, бросать меня на произвол судьбы.

– Ну, имею, не имею, это второй вопрос. Но что есть, то и будет. И ни ты, ни я, никто другой этого не изменит. «Такова твоя планида», как сказал один персонаж. А может, и не персонаж. Но кто-то сказал, точно. – Голос затих на секунду. Продолжил. – Помнится, ты сам не раз говаривал: «Жизнь штука жестокая. А на театре особенно. Тут нет места для сантиментов и прочей ерунды». Я правильно тебя цитирую? – Кавалеров подавленно молчал. – Вижу – правильно. Но, как я уже сказал, цикл закончен. Твое время прошло. И, насколько я пони-

маю, не таким уж и бездарным было для тебя это время. Как говорится, жизнь удалась. Теперь пришла пора, уступить место другому.

– И вы уже знаете кому? – Обреченно спросил Кавалеров.

– Конечно же, знаю. Я сам его выбрал, как когда-то выбрал тебя.

– И что же? Опять: « Все презирать: закон людей, закон природы.

День думать, ночь играть...»?

– Вовсе нет. Ты знаешь, как ни странно, он отказался от моей помощи. – Несколько обескуражено произнес голос. – Представляешь, напрочь, отказался.

– Ну и дурак. – хихикнул Кавалеров.

– Да нет, друг мой, в этом ты сильно ошибаешься. Этот юноша достоин всяческого уважения. Во всяком случае, с моей стороны. И я, конечно же, не останусь равнодушным к его судьбе. От начала и до конца.

– Ну, хорошо, – перебил его Кавалеров, – а вам-то, зачем вся эта канитель? Сначала я. Теперь, вот, еще кто-то. Да и до меня, явно было нечто подобное. Ваша-то выгода в чем?

– Ты напрасно во всем ищешь выгоду. Хотя, нет. В чем-то ты прав, пожалуй. Я, конечно же, и свою выгоду стараюсь не упустить... – Голос внезапно замолчал на полуслове. – Ну, ладно. Давай, с самого начала. Пожалуй, тебе пора знать. Как, никак, мы, лет пятьдесят с хвостиком, или что-то вроде э того, были повязаны одной веревочкой. – Голос откашлялся.

– Объяснять, что такое театр, я тебе не буду. За свою жизнь, ты о нем столько узнал... И о собственных законах, которые действуют только внутри него, и о порядках и обычаях, суевериях и кое-какой мистике, и, конечно же, об интригах – Не буду я тебе все перечислять. Это тебе хорошо известно. Но об одном ты, скорее всего, не знаешь, до сего дня, – Голос сделал паузу. Помолчал. И, решившись, продолжил?

Кто Я такой? Ты об этом много раз спрашивал. И каждый раз не получал ответа. Теперь скажу. Думаю, поймешь.

За десятки, а в некоторых театрах и за сотни лет, рождается некая общность из стремлений, интересов, целей и вкусов. А поскольку, театр это, в первую очередь, живые люди, то идеи, интересы, цели, ну и так далее, становятся тоже живыми. И существуют, пока существует тот или иной театр. Приходит время и он умирает. Это, к сожалению, неизбежно. Не театр вообще, как часть института жизни человеческой, а, тот конкретный, что существовал в конкретном месте, в конкретном времени. Это, чаще всего происходит со сменой руководства, распадом труппы, да мало ли. Впрочем, что я тебе рассказываю. Ты не хуже меня знаешь. Но, все мною перечисленное, останется жить и перейдет в новый театр, который родится на месте старого, и вольется в театральную атмосферу. Идеи могут исчезать и вновь рождаться. Атмосфера – вечна. В атмосфере и формируется дух театра. Некая сущность, которая и поселяется в его стенах, со временем...

– Стоп. Стоп. Стоп. – Степан Михайлович аж задохнулся от услышанного. – Не хотите ли вы сказать, что сущность эта, именно...

– Я ничего не хочу сказать. – Прервал его голос. – Ты сам сказал. А значит, я доступно объяснил.

– Но... – И вновь, голос прервал Кавалерова:

– Никаких «но». Ты все правильно понял. Так было, так будет. Во все времена. Только, в каждом конкретном случае, по-разному.

– А кто он? – Заинтересовался Кавалеров. – Ну, тот, кого вы вместо меня выбрали?

– Зачем тебе? Теперь это тебя не касается. Впрочем, возможно, ты сам скоро поймешь. Если успеешь, конечно.

– Что значит, если успеешь? – Вновь встревожился Степан Михайлович. – Я помирать не собираюсь. На что это вы намекаете?

– Боже упаси. Ни на что не намекаю. Но, как говорится, все мы под богом ходим. А тебе, здоровья на многие лета. И, вот еще, что я должен сказать. Ты много сделал, для этого театра. – Голос с нажимом произнес слова «этого театра». – Пожалуй, во многом, благодаря тебе, он и жив до сей поры. Пришел на руководство не в самые легкие времена. Сумел собрать приличную труппу. Пытался выстроить достойный репертуар. Иногда, правда, вкусовщиной отдающий. Но кто у нас не ошибается? Верно, я говорю? – Задал вопрос голос. И, не дожидаясь ответа, продолжил. – Верно, верно. Но, как я уже говорил – цикл закончен. Ты и сам не раз говорил, пора молодым освободить место. Вот и потеснись. Не сегодня, естественно, и не завтра. Но, присмотришься, подумай, на кого сможешь оставить хозяйство? Кому доверить? Не хотелось бы варяга приглашать. Но, уж ежели, не найдешь достойного, придется что-то изобретать. А уж, свое место ты всегда найдешь...

– Без проблем, – в отчаянии подал голос Степан Михайлович, – к Валюше пойду, сменщиком. Сутки – она, сутки – я.

– Ну, ну, зачем же так. – Пожурил Кавалерова голос. – Думаю, для тебя и достойнее местечко найдется. Как ты смотришь на такую перспективу? Ну, к примеру, – голос задумался, – Вот, ведь. Сразу и не подберешь. А! Вот так. – Нашелся он. – Почетный президент академического театра юного зрителя. А, что? – Голос довольно рассмеялся. – По-моему, звучит. Ловко я придумал? Как ты на это смотришь? – Кавалеров подавлено молчал. Затих и голос. Повисла долгая пауза.

Кавалеров неловко, бочком спустился с трона. С трудом выпрямил поясницу.

– Пойду я. – И медленно, задевая разбросанную по полу мебель, и тяжело шаркая подошвами, направился к двери. – Прощайте. Чего уж там. Мавр свое дело сделал...

...Первое, что бросалось в глаза каждому приходившему на работу в театр, на следующее утро, это большой портрет на столике вахтерши, очень похожий на вождя пролетариата, и, еще больше, на Кавалерова, по краю рамки, наспех, обтянутый черным крепом.

А, рядом, и сама вахтерша с опухшим от слез лицом.

Все на продажу Записки из оркестровой ямы

1

На первую встречу с труппой, только что назначенный главный, явился, когда весь коллектив, дисциплинированно расселся по стульям, и уже с полчаса ждал появления нового начальства. Начальство стремительно влетело через распахнутую дверь репетиционного зала, быстро прошло к столу, резко двинуло приготовленный для него стол с середины, ближе к первому ряду, почти вплотную, двумя кулаками уперлось в крышку стола, переломившись пополам в поясище, оглядело всех пронзительным взглядом, выдержало большую паузу и, наконец, произнесло:

– Говорят, в вашей труппе едят режиссеров. Так, имейте ввиду. Я, – он ткнул длинным костлявым пальцем в сторону сидящих, – не съедобный. – И поводит этим же пальцем из стороны в сторону.

Честно говоря, никто не ожидал такого начала. Повисла тишина. И в тишине, неожиданно, с последнего ряда, где устроился Сергей Германович Петрушевский, как всегда завернув ноги немислимой восьмеркой, раздалось:

– Ничего. Пожует, пожует и выплюнет.

Фраза была сказана одним уголком рта, так что половина лица, обращенная в сторону нового главного, осталась неподвижной. Но, все, кому надо услышали. И тишина зазвенела. Лишь Игорь Черняев, громадный и грузный, без царя в голове, выпивоха и бабник, громко и одобрительно крякнул в этой звенящей тишине. И тут же прикрыл рот ладошкой.

Не могу сказать, чтобы в труппе театра собрались такие уж кровожадные монстры. Ничего подобного. Все, как везде. Кто-то, как, скажем, Петрушевский, прослужил в театре не один десяток лет, кто-то и вовсе, всю жизнь отбарабанил на этой сцене, а кто-то, я например, только, только распечатал свой второй сезон, после окончания театрального техникума. В общем, нормальная труппа, нормального театра. И, к слову, достаточно высоко котировавшегося, на фоне многих периферийных тогдашнего Советского Союза. Не столица, конечно, но и не Тютюши с Кислодрищенском.

Но вот с режиссерами нам, вернее, я хотел сказать, театру. Хотя, нет, все-таки – нам. Ведь я уже считал себя частью этого театра. Как, ни как, регулярно выходил на сцену в двух спектаклях. В «Белоснежке», одним из гномов, и в «Дамокловом мече», правда, пока в масовке, но уже со словами. И был счастлив.

Так вот... что я хотел сказать-то? Ах да. С главными режиссерами нам, в смысле театру, катастрофически не везло. Не задерживались они у нас. Причины, естественно, были разные. Для одних он, я имею в виду театр, был вроде трамплина, что б запрыгнуть еще выше, для других просто перевалочной базой, третьи имели свои собственные веские причины. Но факт остается фактом, режиссеры менялись, как перчатки, проработав сезон, от силы, два. Вот, такие дела.

Однако, хватит об этом. Скажу только. Угадал тогда Сергей Германович. На самом деле выплюнули этого, последнего. Вернее, через полгода сам сбежал. Тихонько так, вроде, отправился в столичную командировку, и не вернулся. Только его и видели.

А почему я с этого начал? Да, сам не знаю. Как-то неожиданно получилось. Вспомнилось. Вот только фамилию забыл режиссера этого. Всех, с кем работал, помню, а этого, «несъедобного», забыл. Ну, да бог с ним. Не самый интересный эпизод.

А самый интересный, какой? Вот ведь, так сразу и не сообразишь. Да, потом, много их было, эпизодов этих. Собственно, вся наша театральная жизнь, из них складывалась. Хоть, в спектаклях, а, хоть, и в быту. Правда, быта, как такового, по тем временам, практически не наблюдалось. Утром – репетиция, вечером – спектакль. А, если в спектакле не занят, опять же, репетиция. А нет ее, все равно за кулисами крутишься. Или из радиорубки, в который раз, смотришь, как на сцене твои товарищи работают. Благо, Володя-радист никогда не отказывал притулиться, где-нибудь в уголочке. И так, изо дня, в день. Из месяца, в месяц. Из года, в год. В общем, всю жизнь.

Вот уже и Володьку похоронили, а до этого Славку Авдющина, художника по свету. Всех народных и заслуженных, которых я застал, свезли на погост. А какие были старики. Появились новые заслуженные и новые народные, появились. Кто-то еще работает, кто-то на пенсию ушел. И это уже следующее поколение. Труппа обновилась молодыми и, наверное, талантливыми актерами. И только я, до сего дня, копчу небо.

Нет, я не в обиде на судьбу. Более того. Судьбе я безмерно благодарен. За то, что она подарила мне такую жизнь. А года три назад, после выхода на пенсию, приготовила мне еще и неожиданный подарок.

Отслужив, сорок пять лет на сцене, я с тревогой думал о предстоящем времени, когда не нужно будет утром спешить на репетицию, а вечером торопиться на спектакль. Но, как я уже сказал, судьба повернулась ко мне передом, а к лесу задом, в лице зав. Лидки, так мы, за глаза, называли нашу зав. лит. частью театра, поскольку звали ее Лидией Михайловной. В театре, вообще любят давать прозвища и актерам, и режиссерам, да всем. Так уж сложилось. А она, что ж, из другого теста?

Так вот, подошла, значит, ко мне наша зав. Лидка и говорит:

– Дядя Вася, – это она мне, значит...

– Вот ведь память дырявая. Совсем позабыл. Все рассказываю, рассказываю, а представиться и позабыл. Ну, да ладно, дело поправимое. Так, что, позвольте представиться:

– Василий Иванович Макатерский. Честь имею. Для своих, просто, дядя Вася. Актер этого театра. Единственного. Как после техникума, приняли на службу в труппу, так и горбачусь на этой сцене почти полвека. Помнится, я уже говорил, что начал с «Белоснежки». Это я еще студентом был, последнего курса. Мы, студенты, тогда практику проходили в театре. Ролей, конечно, нам никто не давал. Какое там. В массовках выбегали, и то, за счастье. Но так случилось, что меня и Валерку Галаганова, да, да, вы правильно поняли, того самого, что всех трактористов и шахтеров в кино переиграл. Он тоже наш техникум заканчивал. Так вот. Нас с ним ввели на роли гномов, в эту самую «Белоснежку».

Не могу, не рассказать один случай, раз уж вспомнил про Валерку. Было это на выпускном курсе. Ну, да, на сдаче дипломного спектакля. А надобно сказать, что сдавали мы его в помещении дворца культуры железнодорожников. В техникуме своей-то сцены не было. Так, небольшие классы, для занятий. Там же, у железнодорожников, зал на пятьсот мест. И звук, и свет приличный. В общем, все по-взрослому, как нынче принято выражаться. Зрителей, не протолкнуться. Одних друзей и родственников пол зала. Да комиссий разных из управления культуры, из ОБЛОНО, и еще черт его знает откуда. Ну и, конечно, наше руководство. Короче, ни одного свободного места. Аншлаг, как говорится. Ну, вот. Все мы, естественно, на нервах. Не знаю как других, а меня, форменным образом трясло, как лист осиновый. Помню, будто вчера было. Да, и остальных, я думаю, не меньше потряхивало. А что вы хотите. Первый раз в жизни, на зрителя выходили.

Так вот. Про Валерку.

А, надобно сказать, что представлялись мы тогда, в «Лесе» Островского. Почему представлялись? Ну, как же. Ведь на нас же, на выпускников, приехали смотреть директора и режиссеры из разных театров. Ну, там, из Куйбышева, из Астрахани, даже из Москвы. С тем, чтобы

кого-то, ежели, понравится, в свой театр пригласить. Все мы тогда, конечно, в Москву хотели. Москва, она и есть – Москва. Однако, нахальство, выкуси. В результате одного Валерку забрали. И то, не сразу. Через сезон. Так, вот, про Валерку.

В спектакле он играл, конечно, Несчастливцева. А кого ж ему еще играть было. С его ростом да голосом. Трагик, типичный трагик. Молод, правда. Ну, что ж, молодой трагик. Да все мы молоды были. Мастерства не на грош. И откуда ему было взяться, мастерству. На нахальстве выезжали. И на том, что в нас вдолбили за четыре года мастера-педагога. Ну, вот. Он, значит, трагик – Несчастливцев, а я, сами понимаете, комик – Счастливцев. Геннадий Демьяныч и Аркашка. А кого ж мне еще играть было. Рыжий, маленький шупловатый. Так всю жизнь в комиках и проходил. А, на старости, как я уже говорил, наша зав. Лидка предложение мне и сделала.

– Дядя Вася, говорит, – а не хотите наш театральный архив разобрать? Я поначалу не понял.

– Как это, говорю, разобрать? А она мне.

– Ну, как, как. Вы в репертуаре теперь не очень заняты. Вот и займитесь. У нас материала, по истории театра, уйма накопилась. Целая комната. Я не справляюсь одна. Вот, вы и поможете. С директором я договорюсь. Проведут официально. Будете у нас архивариусом, и моей правой рукой. Наведете порядок, а там, глядишь, и музей организуем. А в спектаклях играть останетесь, так сказать, «на разовых».

Я, сначала, не сообразил, что к чему. Сказал, подумаю. А потом до меня дошло. Это ж, какую перспективу она передо мной открыла. Там работы, в архиве этом, на годы, да что там, на годы, на века. Знаю я, комнату эту. Под сценой, рядом с оркестровой ямой. Вся завалена старыми афишами, фотографиями, газетами. И еще черти чем. Короче, работы, не в проворот. А, главное, на работу надо ходить, каждый день. Опять же, при деле.

Назавтра, подошел я к ней.

– Согласен, говорю, Лидия Михайловна. Сегодня и начну. Чего в долгий ящик откладывать. – А она мне.

– Хотите сегодня приступить? Вот и славно. – И улыбнулась облегчительно, будто до последнего момента сомневалась в моем согласии. А чего ей было сомневаться. Я, ведь, сразу понял, она для меня с этой должностью постаралась. Да и она поняла, что я понял. Правда, виду не подала. Вот, так я и стал правой рукой, нашей зав. Лидки.

И, должен вам сказать, ни секунды не пожалел, что впрягся в это дело. Новая жизнь началась. С утра в архив. Потом, если занят в новом спектакле, иду на репетицию. Вечером, снова в подвал спускаюсь. Сверху, со сцены, звуки спектакля слышатся. Акустика такая, что каждую реплику слышно. Красота. Будто действие вокруг тебя разворачивается. А ты внутри его и, вроде, как тоже участвуешь. Волнительно и необычно.

Можете смеяться, но за эти годы, я поиграл во всех постановках нашего театра. И ни у кого разрешения не спрашивал. Любая роль, на выбор. Знаете, скажу по секрету, я даже женские роли на себя примирял. Ну, не молодых героинь, конечно, но возрастные и характерные – это, пожалуйста. Особенно мне Васса Железнова нравилась. Я думаю, и в жизни смог бы ее сыграть. Ну и что, что – комик. В каждом приличном комике, на минуточку, приличный трагик живет. Живет и, к сожалению, умирает.

И, нечего тут хихикать.

Ну, так, вот. Дела в архиве продвигались. Какой, никакой, а порядок начал проглядываться. Что не могло, не радовать. Да и занятие это, на душу легло. Понял, вот оно, теперь, мое место. И зажил в свое удовольствие, не опасаясь, что на пенсию спровадят. Иногда так в бумагах закопаешься, и не замечаешь, что на дворе ночь давно. Поначалу, ко мне вахтеры навывались, почему, мол, ключ не нес. Потом попривыкли и не донимали пустяками. В такие вре-

мена, я и на ночь оставался, чтоб домой по темноте не тащиться. Выпросил у Сашки Семина, нашего мебельщика, топчанчик из старого спектакля, на нем и устраивался.

Эх, Сашка, Сашка – буйная голова. Сгорел за месяц. От водки сгорел. Насмерть. А, как хорошо начинал. Его ведь, актером в театр приняли, после училища. Его и Сережку Перескокова. Ну, того-то – понятно. В театре у него мама служила, зам. директора по зрителю. Бойкая, такая, особа. А Сашка, сам. Без всякой мамы. За талант взяли. Нет, Перескоков тоже способный был, ничего не скажешь. Но, где нынче Сашка? И где Перескоков. А все водка. Даже и не водка. Вино. Самое дешевое. Но без меры. Так вот, Сашку похоронили, а Перескоков у нас нынче в званиях весь. А ведь, казалось бы: учились на одном курсе, пришли в один год, работали бок-о-бок, да, поди-ка, и выпивали вместе. Но, ведь, как судьба распорядилась. Одному – грудь в крестах, а у другого, голова в кустах. И сколько таких, не выдержавших испытания сценой? Да, сплошь и рядом.

Чего, греха таить. Пили в театре, попивают сейчас, и завтра не бросят. Да и я, из такого же теста. Тут, у нас своя специфика. Нервы, стрессы, переживания. Куда от них деться. Нет-нет, да и заложись за воротник, время от времени. Глядишь, вроде, полегчало. Но, утром на репетиции, а уж, тем более, на спектакле обязан, быть в форме. А не можешь? Катись, ... а хоть, и в мебельщики, катись. Театр, скажу я вам – штука жесткая, я бы сказал – жестокая. Слабых не терпит. Об этом меня еще старики предупреждали.

– Ты, Васька, – учил меня ГГ, – так мы сокращенно Гошу Григоряна звали. Ну, я вам о прозвищах рассказывал, помните? Так вот, актер, как у нас говорят, от бога. Хоть и армянин. А может, именно по этому. Играл, практически, все. Юморист, весельчак и бабник.

– Ты, Васька, должен одно понимать. – Это он мне. – Любая роль для тебя должна быть подарком. Пусть даже самая маленькая. Значит, маленький подарок. Но ты из нее, из роли этой, конфетку сделай. Чтобы в зале тебя заметили. Заметили и запомнили. И полюбили. Главное, полюбили. Пусть в этой роли не получится, хотя надо, что б получилось, зато в следующей... и, чтоб, обязательно, полюбили. Слышишь меня? – Я, естественно, согласно кивал головой, соглашаясь.

– Сам-то он, такие конфетки лепил. Диву давались. Пьеска дерьмовая, да еще и ролишка, так себе, проходная. Текста с «гулькин нос». Но, он такого напридумает, такого наворотит. Глядишь, на пустом месте – образ. А уж, как его любили в городе. Это надо было видеть. Водители даже троллейбусы останавливали среди дороги, чтобы двери перед ним распахнуть. Мол, милости просим. Они, водители, тоже в театр захаживали.

– На-ка вот, пятерку. Сгоняй быстренько. Как обычно. – Это он опять мне. – Да, на обратном пути, Черняева свисни. Он, по-моему, тут, в театре, болтается.

А, «как обычно», значит, батон, палку колбасы и непременно «белую головку». Но, что характерно, по нему абсолютно не было заметно, что употреблял. Крепок был, зараза, на это дело. Крепок, но не удержим. И еще, хлебосолен. Когда гулял, готов был всех угощать, от директора, до рабочего сцены. Кавказ. Что с него возьмешь. Вот и Черняева для того и звал. Знал, что не откажется.

Да, Черняев. А, что, Черняев. Я, по-моему, вначале, упоминал про него. Тоже, не дурак, заглянуть в стакан. Но меру знал. Знал, где, с кем, когда и сколько. Но Гургену всегда был готов составить компанию. А так – кремень. Старая закалка. Да плюс к ней, к закалке этой, десять лет лагерей под Ачинском или Канском, теперь уж и не упомяну города, куда он попал зеленым пацаном.

Как рассказывал, «по-дурости своей». Траванул анекдот, приятелю. Тот ему в ответ. Он приятелю. Ему в ответ. На том и разошлись. А с утраца, пацана и взяли, тепленького. Игорь шутил по этому поводу:

– За лень пострадал. Я-то спать пошел, а приятель не поленился. Вот я и оказался на Енисее..

Конечно, теперь можно шутить, когда все позади. Смех смехом, но пол срока отсидел на зоне, а, поскольку, совсем мальчишкой был, вторые пол срока заменили поселением, в том же, Ачинске, или, Канске. Не помню точно. Да не важно, где. Где-то в Красноярском крае. Там-то впервые и узнал, что такое – театр. Пришел устраиваться на работу «в артисты», как он сам про себя рассказывал. А поскольку, население города этого, Ачинска или Канска на добрую половину состояло из таких же горемык, как и он, а вторая половина, охраняла горемык этих, никто особенно не удивился.

Более того, оказалось, попал он тогда, удачно. В те времена в этом самом Ачинске или Канске, черт бы его побрал, собралась довольно сильная актерская труппа, из ссыльных, конечно, куда его и приняли, «как родного», декорации таскать. Но, парень видный, как у нас говорят – фактуристый. И, через какое-то время, стал выходить на сцену. Вначале, в эпизодах, потом рольки пошли. А через два года его, и вовсе, забрали в город Красноярск, в краевую драму. В общем, фортуна ему, вроде как, улыбнулась. Там-то он и отработал до конца срока, на тех же эпизодах и небольших ролях. А дальше уж, сам бог велел, домой, на родину.

Хочу сказать, что и у нас, в театре, он был на тех же ролях. И это его, похоже, устраивало. Короче, что б понятно было, звезд с неба не хватал. Да и поздновато было, звезды хватать. Когда я пришел в труппу, ему уже к сорока было. Но красив был, зараза. Высокий. Под два метра. А, как наденет костюм «тройку», да выйдет на гастролях перед гостиницей, все местные девчонки его. Артист, одним словом. Издалека видно.

Помню, в Грозном случился у него роман с чемпионкой Чечено-Ингушетии по толканию ядра. Ну, вы можете себе представить эту пару? Вряд ли. А барышню?

Волосы – южная ночь. Стан, как у Кавказского хребта. Характер, как у Терека, рядом с которым выросла. Что плечи, что руки... такими руками, ядро толкать, сами понимаете, что это были за руки. Грудь. Описать невозможно. Да и ни к чему. И все это было прекрасно, хоть и самую малость, в избытке. Хотя, какая там, малость. Аллах, похоже, на троих рассчитывал. А досталось все только ей. А имя. Не имя – песня. Нежное, протяжное, чисто кавказское. Как же ее звали-то? То ли Лейла, то ли Зухра. Ну, да, не важно. Все равно, нет у меня таких слов, чтобы описать ее великолепие.

Хотя, есть! Есть такие слова. Жаль только не у меня. Короче. Как сказал Юранд из Спыхова: «Да ты посмотри на эту девку. Если на лавку положить орехи, а ее посадить сверху, от орехов только пыль полетит.» Вот, такая она была, эта Лейла или Зухра, чемпионка Чечено-Ингушетии.

А какой роман у них случился в Грозном. Сказка. Так вот, она ни одного спектакля его не пропускала. И на каждый, букет цветов. Тут народные, на поклоне, заслуженные, главные роли играют, их, правда, тоже не обделяли. А рядом, наш Игоряша, с эпизодиком в конце второго акта. Но, она цветы, только ему. Любовь. Куда от нее денешься. Однако, надо отдать должное Черняеву. Он очень трепетно относился к девушке. Вообще, он, когда хотел, мог себе позволить, вести себя по-джентльменски с женским полом. Нет, пожалуй, не так сказал. Он всегда вел себя с ними по-джентльменски. Вот так, будет правильно. Казалось бы, ну, откуда взяться у бывшего зэка приличным манерам?

А это, скажу я вам – театр. И все, кто попадет туда, хочет он, или не хочет, сам того не замечая, становится другим человеком. И пусть это Ачинск, там Канск, или Красноярск. Не важно. А уж в нашем театре... ну, про наш и говорить нечего. Было, у кого поучиться.

2

Дядя Вася, как всегда, спускался к себе под сцену и, когда проходил через оркестровую яму, а ее надо было непременно миновать, чтобы попасть на свое рабочее место, внезапно остановился. В яме было темно. Лишь дежурная лампочка, тускло освещала проход. Но ее было так мало, что все углы оставались во мраке. Вот в одном из таких мрачных углов, дядя Вася и уловил некое шевеление. И не только, шевеление, но и едва слышное поскуливание.

– Это кто ж тут такой? – Дядя Вася взгляделся в темноту, стараясь разглядеть, кто там. – Или такая? – Задал он вопрос. – Или такое? На всякий случай добавил он. В углу притихли. – Эй, кто там?

– Нет тут никого. И никогда и не было. – Всхлипнули в темном углу.

– Вот теперь и я вижу, что нет никого. Померещилось. И все-таки, выходи. Тут нельзя мокреть разводить. – Строгим голосом произнес он. – Видишь, инструменты. Рояль, рядом контрабас. Отсыреют, испортятся. Ты виновата будешь. Контрабас, знаешь, какой дорогуший. Про рояль я уж и не говорю.

В углу хихикнули и зашмыгали носом.

– Не отсыреют. У меня и слез столько нет. – И через паузу. – Это я, дядя Вася. – Из угла нерешительно показалась нелепая фигура, одетая в какую-то хламиду. И остановилась на грани света и тени.

– Кто это, я. Ну-ка, выходи на свет.

– Да, я, Кира Щетинина.

– Ах, Кира Щетинина. Ну, и что же, Кира Щетинина, – Дядя Вася давно узнал ее, но виду не подал. – Ну, и что же, – вновь повторил он, – по какому поводу слезы? Заняться больше нечем? – Ответом были только всхлипы. – Э, да я вижу, тут дело серьезное. – Нахмурил он брови. – Пойдем-ка, голубушка, со мной. Пойдем, пойдем, – заметил он нерешительность девушки. – Нечего упрямиться. – И та, покорно, поплелась за ним.

Надо сказать, что Кира Щетинина пришла в труппу в начале сезона, после училища. Ее единственную с курса пригласили в театр на работу. И, сразу, назначили на роль Герды в детском спектакле «Снежная Королева». Девчонка, на удивление легко, справилась с ролью и прошла первым номером на фоне всех остальных актеров, занятых в спектакле. Главный посмотрел. Оценил. Воодушевился. И, окрыленный надеждой, сходу назначил ее на роль Гретхен, в своем спектакле «Доктор Фауст» по пьесе Иоганна Вольфганга Гете, постановку, которой, как он сам говаривал, вынашивал много лет. Наверняка значительно меньше, чем сам Великий Гете творил свою бессмертную поэму, но, все-таки. Вечно ему что-то мешало, не Гете, режиссеру, чего-то не доставало, что-то не складывалось. И вот, наконец, случилось. Совпало. Созрел. Решился. И репетиции начались. Трудно. Со скрипом и топтанием на месте. С конфликтами и заморочками. Вроде, дескать, не понимают его исполнители. Слишком легко по жизни шагают. Да, и по ролям тоже. А нынешняя жизнь, ну ни как, не соответствует тому, что он, вместе с Гете задумал в этой постановке. И, ведь, не мудрено. Философию Великого Мыслителя надо было понять. А, поняв, желательно еще и, хоть как-то, осмыслить, а это было уж вовсе неподъемно для артистов за те два месяца, что были отпущены на постановку. Это Гете мог себе позволить шестьдесят лет писать и переписывать свое детище. В театре же был четкий план. И, хочешь, не хочешь, а к какому-то числу выдай «на гора свою тонну руды». Отсюда, и все выше сказанное.

Вот после одной из таких репетиций, дядя Вася и обнаружил нашу Маргариту в самом темном уголке оркестровой ямы. Всю в соплях и расстроенных чувствах.

Дядя Вася привычным движением отворил дверь в архивную комнату, нашарил выключатель, зажег свет.

– Ну, заходи, Кира Щетинина. – И пропустил ее вперед. – Дай-ка я на тебя посмотрю. – Та стояла и шмыгала носом. – Э, да ты совсем расклеилась. – Достал он из кармана необъятных размеров носовой платок. – Ну-ка, сморкайся. – Приложил его к носу девушки.

– Я сама. – Кира попыталась забрать платок в свои руки.

– Сама, конечно сама. А пока, дуй воздух носом. – Строго произнес он. Кира послушно шмыгнула. – Вот и умница. А теперь, сама. – Дядя Вася свернул и передал ей платок. – Вытри слезы. Куда годится. Молодая красивая, а расслюнявилась, смотреть противно.

– Да, вам бы так. – Кира готова была вновь разрыдаться.

– погоди, погоди, успеешь еще, наплачешься. А пока, давай-ка, я тебя чаем напою. Ты, ведь, небось, сразу после репетиции в яму прошмыгнула? – Кира закивала головой, размазывая платком по щекам, потеки от слез. – Ну, вот, – продолжил дядя Вася, – так я и знал. А репетиция уже два часа, как закончилась. Ты, девонька, утром-то, хоть что-то поклевала?

– Что-то поклевала. – Кивнула Кира.

– Вот, то-то и оно, «что-то». – Передразнил ее дядя Вася. А сейчас на дворе пятый час. На-ка, вот, – развернул он объемный сверток, – батон, сыр, колбаска. Делай себе бутерброд. А я пока чайку налью. – Надо сказать, что за время разговора, дядя Вася успел налить в чайник воды, вскипятить, сполоснуть кипятком заварочник, насыпать в него заварки и приготовить свежий чай.

– Такой бокальчик для тебя сгодится? – Дядя Вася поставил перед Кирой полулитровую керамическую кружку. – Или, может, поменьше?

– Годится, – ответила с набитым ртом Кира. Потом увидела кружку. – Ой, что вы, куда мне столько.

– Ну, ладно. Вот тебе поменьше. А эту я себе оставляю. – Поменял он посуду. – Вот ложка, варенье. Накладывай. Сахар, уж извините, не держу.

– Спасибо вам, дядя Вася. – Девчонка быстро управилась с бутербродом и с удовольствием прихлебывала чай, совсем по-детски надувая щеки, пытаясь охладить кипяток.

– Не спеши. Никто у тебя не отнимет. Ошпаришься, что делать будешь?

– Не ошпарюсь. Я ведь, дую. – Однако, отставила бокал в сторону.

– Вот и славно. – Дядя Вася тоже поставил свою, бадью на стол. – Ну, выкладывай, что там у тебя приключилось. Хотя, постой. – Он, жестом остановил девчонку. – Дай-ка, я сам угадаю. Значит, так, – откинулся он на спинку кресла. – Что-то мне подсказывает, девонька, что ты огребла на сегодняшней репетиции от главного по полной программе. – Затем, прикрыл рукой, театральным жестом глаза и, неожиданно, заговорил чуть слышно, уставшим, бестелесным голосом, очень похожим на голос главного режиссера. Тот всегда так общался с актерами, если надо было сделать замечание, или, еще хуже, поставить на место, кого-то, показав всю его бесперспективность в данной ситуации.

– Это вам, Кира Михайловна, не «Снежная королева». Это Великий Гете. Что вы мне тут Герду изображаете. Вы, хоть понимаете, что Герда и Маргарита, вовсе не одно и то же. Отвечайте. – Кира оторопела. Она сегодня, почти слово в слово, все это уже слышала на репетиции. Из уст главного. И вот опять. – Отвечайте, говорю. Ах, понимаете. Нет, лучше, молчите. Я вам скажу, что ни черта вы не понимаете. А понимали бы, этого разговора не было. – Дядя Вася сделал паузу, глянул из-под ладошки на Киру. – Да, я и сам, не очень понимаю. – Прыснул он в ладошку. – Хотя, нет. – Вернулся он в образ. – Я-то все отлично понимаю. Мы, с ним, с Гете, на одной волне. Как бы, вам это понять. – И, уже нормальным голосом. – Вот, где-то так. И не говори мне, что я ошибаюсь.

– Все верно. – Кира окончательно успокоилась, и даже кое-где подхихикнула, слушая дядю Васю. Уж, больно, похоже, он изображал. – Кроме последней фразы. – Продолжила она. – Про то, что и сам он не очень понимает. Но, откуда вы... – дядя Вася не дал ей договорить:

– Еще не хватало, чтобы он расписался перед тобой в собственной беспомощности. Понятно, что это я от себя приплел. А все остальное, должно быть точно так.

– Точно так. – Кира недоуменно смотрела на старика. – Но, откуда вы все это знаете?

– Э, девонька, поживешь с мое, и ты про все, что творится в театре, знать будешь.

– Мистика, какая-то. – Кира, заметно, растерялась.

– Конечно, мистика. А где ей, мистике этой, быть, как не в театре. – Дядя Вася искоса глянул на девчонку. – погоди. Послужишь годик, другой, – Он так и сказал, « послужишь». Не поработаешь, а именно, « послужишь», на старинный манер. И Кире это понравилось. Так, вот:

– Послужишь годик, другой, еще не такие чудеса увидишь.

– Да, будет вам, дядя Вася, – девчонка, похоже, совсем успокоилась. – Какие чудеса?

– Ну, не скажи. Пройдет немного времени, сама убедишься. Театр, пожалуй, последнее место на земле, где чудеса еще, иногда возможны. – И добавил, через паузу, тяжело вздохнув. – Правда, и здесь все реже и реже случаются. А жаль. Но, это, к сожалению, не от нас зависит.

– А, от кого же?

– От кого, от кого? Сама соображай. Не маленькая ведь.

– Я, что-то, не врублюсь, никак. – Кира виновато глянула на старика, будто извинялась, за свою бестолковость.

– Вот то-то и оно, что « не врублюсь». А ты не « врубайся», а подумай. Кто в спектакле главный?

– Кто, кто? Актер, наверное.

– Правильно тебя учили – актер. Но, это в результате. А, изначально?

– Режиссер? – Неуверенно произнесла Кира.

– Вот видишь, соображаешь, если подумаешь. Правильно. Он-то и помогает нам сотворить, что-то путное на сцене. Иногда, супротив нашей же воли. Если, конечно, сам понимает, чего хочет. Но, когда уж, случается такое, случается и счастье. И для актера, и для постановщика. Вот это и есть чудо театра. Теперь сообразила?

– Сообразила. – Кира глубоко вздохнула. – Но, только, где же они, чудеса эти?

– Ну, барышня, так нельзя. Я тебе уже все разжевал. Все по полочкам разложил, а ты, никак, как ты там говорила, « не врубишься».

– Да, врубилась я, врубилась. Но, только, не пойму, почему же я, не вижу, чудес этих.

– Тяжело мне с вами, – дядя Вася вздохнул и замолчал, подыскивая нужное слово, чтоб, ненароком, не обидеть девчонку. И ничего так и не придумав, сообщил, – с молодыми. Я тебе, о чем толкую. Хотя, что я к тебе привязался. Послужи, тогда, поговорим. Пройдет время, может, и поймешь, где ты, где театр.

– Я, вот она. – Кира ткнула пальцем себя в грудь, – Театр, он тоже, на месте. Стоит себе, вокруг нас с вами. А мы внутри. Чего ж тут понимать? – И глянула на старика снизу вверх. – А?

– Вот то-то и оно, что стоит на месте. Только то, что стоит на месте, это, далеко, не театр. А только здание, где он сегодня находится. Вернее должен находиться. И не всегда это одно и то же.

– А, вон вы о чем. – Кира вновь взяла со стола свою кружку с чаем. Отхлебнула осторожно. – Я поняла. Как нас учили, коврик на площади расстелили, два человека вышли, Арлекин, Коломбина, это уже – театр. – И замолчала. Поставила кружку на стол. – Нет, ничего я не поняла, если честно. Но, все равно, скажу, как умею. Вернее, как чувствую.

– Ты погоди, дитя, не говори ничего, пока. Не спеши. Вечером у тебя репетиция?

Кира кивнула.

– Вот и славно. Слезы твои, гляжу, высохли. Домой, пожалуй, тебе уже поздно бежать. Время, к шести. Ступай в свою гримерку. Посиди. Роль полистай. Вспомни, что от тебя главный хотел. А лучше, подремли пол часика. И иди репетировать, с легким сердцем. Все у тебя

получится. Непременно, получится. Я точно знаю. А хочешь, вот тут, у меня на диванчике устраивайся.

– Нет, я к себе. – На том и расстались.

А вечером, после репетиции, влетела в архивную комнату Кира Щетинина:

– Дядя Васечка, миленький, любименький, – повисла на шее девчонка. – Случилось, случилось. Сейчас все расскажу. – Затараторила она, взхлеб. – Как вы и велели, прибежала к себе в гримерку, прилегла на банкетку. Я так и не поняла, что это было. То ли, задремала, то ли просто, привиделось, но знаю точно. Ко мне Маргарита приходила. Ну, та. Вы понимаете, по кого я говорю. Маргарита, Гетевская. И я с ней разговаривала, вот как сейчас с вами. И, знаете, она оказалась такой же девчонкой, как я. Не больше, не меньше. Мы посидели, поболтали, сейчас уже не упомню, о чем. Было это, или не было, на самом деле? Да, это и не важно, совсем. Но я, что-то поняла. И про нее, и про себя. А потом пошла на репетицию. Как вы и сказали, с легким сердцем. И, что вы думаете? Похвалил. Верно, говорит, суть ухватила. Утром еще ничего не было, а тут, откуда, что взялось. Наверное, это и есть – чудо. – И, давай, целовать старика в обе щеки. А сама и смеется, и плачет, и лепечет, что-то несуразное. По комнате прыгает. То ли танцует, то ли просто, остановиться не может.

– Чувствую, – рассказывал потом дядя Вася, – надо ее немножко остудить.

– Бывает, – говорю, – в театре и не такое бывает. Иногда, хвалят. Чаще ругают. Так что вы, барышня, должны быть готовы, что следующей похвалы долго можете не дожидаться. Скорее, наоборот. В общем, готовьтесь. Возможно, что хороший кнут по вам уже плачет.

– И, пусть. Главное, я теперь знаю, что мне делать в этой роли. И, как жить дальше. – Увидела на столе изрядный кусок батона. – Ой, я такая годная. Можно откушу. – И, хватить сразу пол краюхи. Как у нее во рту поместилось. И с набитым ртом.

– Я побежала. – Только ее, егозу, и видели.

Василий Иванович Макатерский опустил в бутафорское кресло, прикрыл рукой глаза, тихонько засмеялся:

– Ну, Лилька, вылитая Лилька, как и та, только, сорок лет назад. Когда Шурочку Азарову в «Давным-давно» репетировала. Такая же, оторва. Один в один. Главное, как и у той, все чувства наружу. Не научилась еще скрывать, глупышка. – Почесал за ухом. – Не сломали бы девчонку. У нас ведь это запросто.

3

Ах, Лилька, Лилька – восторг, и вечная боль Макатерского. Пришла, как и Кира Щетинина, прямо со школьной скамьи, и сразу, как кур в ощип, на главную роль. Только звали ее не Кирой Щетининой, а Лилей Рыбаковой. Но, такая же, душа нараспашку, как и это нынешнее чудо. Ей бы хоть чуть-чуть поработать, оглядеться. – Дядя Вася заерзал в кресле. Постоянные воспоминания, не давали спокойно жить. – Глядишь, что-то путное получилось бы из девчонки. Нет, – чего я сам себе вру, – Макатерский оборвал себя на полу слове. – Все, что должно было из нее получиться, получилось. И путное, и не путное. Что, парень, опять обида разыграла? – Задал он себе вопрос. – Ну, как же. Такая любовь. Такая трагедия. Какой там англичанин со своими страстями.

В тогдашнем СССРском театре, да и в нынешнем, наверное, страстей не меньше, а может и, поболее, чем в средневековой Дании. Да, что, в Дании, собери всех их хоть из Вероны, хоть из Венеции, а, хоть и... да не важно, откуда. Не наберется и на один наш театр. Стоп, парень, – оборвал он себя, – так ты всю мировую драматургию под себя подомнешь. Конечно, своя болячка свербит сильнее.

– А свербит? – Задал он себе вопрос. И сам же ответил.

– Свербит. – Настолько, что, временами, сердцу не дает спокойно заниматься своим прямым делом. Аритмия, и прочее... – Да, старость это пришла, пенек ты, стоеросовый. – Обругал себя Макатерский. – Отсюда и давления всякие. – Но в глубине души, понимал, что дело тут не в старости, или не только в старости. Что живет в нем до сих пор обида, оставшаяся с тех времен, когда его, только, только оперившегося актера накрыло, будто принесшимся неизвестно откуда ураганом, сломавшим долгие годы, да что там, долгие, все последующие, и его размеренную жизнь. Макатерский до сего дня не мог ответить, что это. Морок, какой-то, или еще что-то. Но, что было, то было. Как только он увидел Лилию Рыбакову на сцене, а до этого и внимания на нее не обращал, ну, ходит и ходит себе по театру, пигалица. Так вот. Как только увидел ее в роли Шурочки Азаровой, с катушек съехал в одночасье. Ни о чем и ни о ком, думать не мог. Все мысли только о ней. Он и в жизни стал видеть ее совсем другими глазами. Будто прозрел. Короче, погиб наш Макатерский. В одночасье погиб.

И надо же было такому случиться, произошла у них любовь. И, скорее всего, обоюдная. Во всяком случае, у дяди Васи было все это, очень и очень обоюдно. Каково же было у Лили Рыбаковой, он и нынче не скажет, потому, как до сих пор не может ответить на этот, всю жизнь мучавший его вопрос.

Но, только после двух, как ему казалось, лет счастья в маленькой комнатке театрального общежития, вы ж, понимаете, в результате, они поженились. Не могли, не пожениться. Не могло быть иначе. Так, вот, после двух лет совместной жизни, Лилия Рыбакова, не попрощавшись ни с кем, а уж с молодым мужем особенно, махнула с одним из тех, помните, дядя Вася рассказывал вначале, о всяческой смене режиссеров? Так вот, с одним из них. И канула в лету. Где? Как? И что с ней, он не знал до сего дня. Хотя, актерский мир тесен. Но, очень надеялся, что все у нее благополучно. И, не смотря, ни на что, ждал, придет время, и она, его Лилия, возвратится и простит его. За что? А ни за что. Вот возьмет и простит его, а он ее простит. И придут они в ту самую комнатку в общежитии, где он и поныне коротает в одиночестве эти годы, упадут на колени друг перед другом, зарыдают и заживут рядом вместе, счастливо, и вечно, до самой березки, которую кто-то непременно посадит над их холмиком. Понимал, никогда не будет этого. Но надеялся. А, вдруг. А если. А все-таки.

– Ну, сопли развел. – Дядя Вася ругнулся матом, что для него было вовсе нехарактерно, достал из-под стола початую бутылку водки, плеснул прямо в остывший чай. – Вот так-то

лучше. – Проворчал он. – Романтик, мать твою. – И в два глотка осушил бокал. Крякнул. Смахнул слезу. Рассмеялся.

– А, кстати, – Что-то вспомнил он. – Я ведь так и не досказал, про Валерку Галаганова. Ну, тогда, помните, на дипломном спектакле. Когда мы «Лес» сдавали. Так вот. Минут за тридцать до начала, подбегает ко мне Галаганов, глаза на затылке, весь трясется. Представляете – рядом трясется танк. Не больше, не меньше.

– Все, Васька, хана мне. Парикмахер наклейки забыл. Не привез. – Наклейки, это, значит, борода, усы и прочая волосяная атрибутика.

– Как не привез, а у меня что? – Ткнул я пальцем в свою бородку. Сам-то я уже в гриме был, и к бороде себя приклеил, короче, на выходе стою. Готовлюсь. Хотя до выхода еще, о-го-го, сколько времени.

– Ну, да. Твои привез, а мои забыл. И, что теперь? Пропадаю.

– Плюнь, – говорю, – Играй без бороды. У тебя и так получится.

– Я, по-моему, говорил вам, что меня потряхивало, изрядно, от волнения. Ну, да не буду повторяться. Поэтому, я не то, чтобы, отмахнулся, выкручивайся, мол, сам, как знаешь, но не воспринял его личную великую трагедию, как свою. Короче, – решил я, – каждый умирает в одиночку. А тут и третий звонок, к началу спектакля. Махнул он рукой и убежал за кулисы.

Наш выход, далеко не первый. Я, за кулисами в уголке пристроился, вроде, в образ вживаюсь. А мыслишка-то в голове свербит, как там Валерка, без наклеек играть будет. Тут, на сцену выходить, время подошло. А, надо сказать, что так режиссером поставлено было, мы с разных сторон в спектакле появлялись. Классика. Он справа, я слева. Ну, вроде, как случайно в лесу встретились. Пьеса, ведь, так и называлась, «Лес». Ну, вот. Встречаемся мы, значит, случайно в лесу. Я Аркашку играю, он, понятно, Геннадия Демьяныча. Сцена идет – блеск. Так Валерка ни на одной репетиции, ни на одном прогоне не играл. Ну, и я за ним. Стараюсь не отставать. Короче, проиграли сцену, как говорится, на одном дыхании. Честно говоря, я и сейчас вряд ли скажу, что там такое было. Хорошо ли, или уж ни в какие ворота.., но, видно, не плохо. Потому, как в конце первого акта, нас со сцены аплодисментами проводили.

– Видал? – Это я ему уже за кулисами говорю. – А ты, наклейки, наклейки. Ты и без них... – и остолбенел. Оказывается, и бородка, и усы у него, на месте. Я только сейчас увидел. В спектакле не до того было. У меня весь первый акт, как в омане прошел. А тут, гляжу, батюшки, мои родимые:

– Откуда, – говорю, – взял? – А он смеется, весело так. Заразительно:

– А, вот, – говорит, – состриг и приклеил. – И оттопыривает резинку шаровар.

Я так и сел на задницу.

– Ну. Валерка, ты и дятел, в смысле, долбоеб. – Как, тебе такое и в душу-то пришло? – А он мне:

– Впиндюришься в мою ситуацию, сам думать начнешь, как выкрутиться.

Но, видимо, во всех подобных ситуациях, я так, толком выкручиваться и не научился. Всегда, под рукой, парикмахеры присутствовали. А, не будь их рядом, клянусь, я бы, не додумался до Валеркиного варианта. В этом и есть разница, между мною и, теперь уже могу сказать, положила руку на сердце, между мною и великим артистом Валеркой Галагановым. Царствие, ему небесное.

А я, все небо копчу.

Монолог театральной вахтерши

Рассказ

Да, театр начинается с вешалки. Теперь я это знаю. Хотя лично для меня театр вешалкой заканчивается, потому как мое нынешнее место работы вахтера находится рядом с артистической раздевалкой. Но это уже детали. Никогда не думала, что свой век на театре мне придется доживать вот тут, у самого его порога. Ну да не место красит человека. А я знавала и лучшие времена. Были аплодисменты, цветы, поклонники, все это было в моей жизни. И я счастлива. Счастлива тем, что все самое лучшее отдала театру, но и все самое лучшее нашла тоже здесь, в этих стенах. И, ни о чем не жалея, скажу, прожила я свою жизнь прекрасно, потому что у меня всегда был Театр. Моя боль и радость, восторг и слезы, успех и провалы, любимый человек и любимое дело. Моя жизнь. И, как говорят, случись мне начать ее снова, зная все об этой, прожитой, я не задумываясь, прожила бы ее так же, не изменив ни одного часа, ни одной секундочки.

Конечно, велики мои годы, и, бывает, домой после дежурства приползаешь совершенно разбитой, все-таки сутки отбарабанила. И пенсии моей нам с Мурзиком, Мурзик – это мой песик, славная собачка, вполне хватило бы. Но как подумаю, что театр уйдет из моей жизни навсегда, страшно становится. Он без меня проживет, а вот я без него – никак...

...Театр. Он тоже устает за день. И когда вечером после спектакля повиснет в воздухе последнее «до свиданья» и хлопнет за последним актером входная дверь, то если выйти на сцену, можно услышать, как он устало дышит. Кулисы подняты, и убрана декорация. Сцена обнажена и неуютна в своей вечерней наготе. Дежурный свет тускло высвечивает лишь проходы, не в силах заполнить все ее огромное пространство. Из мрака выглядывают куски декорации и сдвинутая мебель. Но чернота зрительного зала еще хранит в себе тепло недавнего присутствия людей. Кое-где белеют из глубины забытые программки, видно, как колышется сквозняком прикрывающая выход из зала штора – будто кто-то только что вышел, задев ее. В зале пусто и гулко. Лишь откуда-то из-за кулис слышатся шаркающие шаги Петровича. Дежурный пожарник делает свой ежевечерний обход, проверяет гримуборные и подсобки: все ли в порядке? Выключен ли свет? Не оставлен ли где незатушенный окурок? Придет сюда, будет ворчать. Наверняка кто-то неплотно завернул кран с водой или не закрыл окно. Вон, как сквозняк штору треплет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.